Амалия и Белое видение

Автор:
Мастер Чэнь

Амалия и Белое видение

Мастер Чэнь

Шпион из Калькутты #1

«Эти романы – чудесная пагода, построенная единственным в нашей литературе человеком, для кого разделение мира на Запад и Восток попросту не существует», – сказал Леонид Юзефович о трилогии Мастера Чэня про шпионку Амалию де Соза.

В первой книге серии странная история с цепочкой убийств в колонии Пенанг делает из Амалии де Соза, подданной Британской империи и восторженной дочери «века джаза», умного детектива и еще – безнадежно влюбленную молодую леди. Она погружается в зыбкий мир: этнографы, которые оказываются шпионами; пуллеры рикш, которые заняты куда более зловещими делами, чем перевозка пассажиров; писатели, которые больше, чем писатели… Да и сама она, как выясняется, – далеко не только администратор кабаре «Элизе».

Мастер Чэнь

Амалия и Белое видение

© Мастер Чэнь, 2013

© ООО «Издательство Астрель», 2013

Издательство выражает благодарность агентству «Goumen & Smirnova» за содействие в приобретении прав

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru (http://www.litres.ru/))

1. Де Соза, с вашего позволения

Одна зеленая гадюка лежала на плече Элистера Макларена из Калькутты, вторая вяло перемещалась на его довольно лохматой голове, третья была у меня в руках, и толстая треугольная голова ее маячила в угрожающей близости от длинного лица Элистера.

Я посмотрела в это лицо и поняла, что дело идет наперекосяк. В широко распахнутых глазах моего подопечного читалось лишь искреннее детское любопытство.

– Дорогая госпожа де Соза, – сказал он с оттенком терпения, – вы хотели напугать змеей коренного жителя Индии? Даже туристы знают, что факиры зверски вырывают у своих кобр ядовитые зубы.

Змея на его плече недовольно издала ему прямо в ухо звук, подобный пению закипающего чайника. Элистер не обратил на это никакого внимания.

Будучи в сущности ехидной и зловредной тварью, номер со змеюками я готовила заранее и весьма тщательно. Накануне неспешно пообщалась со служителями храма Чистого Облака далеко за городом, в Сунгей Клуанге, узнав от них массу

полезных сведений о ямных гадюках, так же как и о божестве чистой воды – Чор Су Куне, мрачно взиравшем на нас в данный момент с алтаря, из дымной храмовой темноты. Научилась держать зеленых тварей в руках. Оставила храму внушающее уважение пожертвование.

И вот теперь моя жертва смотрела на меня и улыбалась.

– Да? – В отчаянии пустила я в ход последний резерв. – Вырывают зубы? А как вам вот это?

И, повинуясь нажатию пальцев, та тварь, что была в моих руках, распахнула бледно-лимонную, тошнотворно гладкую пасть, внутри которой виднелся лишь провал глотки и два небольших остреньких зуба.

– Это? – с любопытством уставился он в глубину змеиной пасти. – А это бесспорно зубы. И, судя по форме головы, перед нами бесспорно гадюка. То есть должна быть ядовита. Какая интересная проблема, дорогая госпожа де Соза.

Я посмотрела в его смеющиеся глаза, сердце мое дрогнуло, мне стало стыдно. Кусая нижнюю губу, я вежливо возложила зеленую тварь метровой длины обратно на алтарь, где она начала мрачно устраиваться среди сухих раттановых веток, скрученных там в узел специально для нее. Потом, привстав на цыпочки, я медленно освободила и голову моего подопечного, и его плечо, вернув обеих змеюк на их законное место. И осталась стоять перед Элистером в позе уныния и печали.

– Это ямные гадюки Вагнера, – сказала я наконец. – Они вообще-то очень ядовиты. Но в этом храме не кусают людей никогда. Почему – никто не знает. Они наползли сюда, как только стройка была закончена, после того как господин Браун пожертвовал шестьдесят шесть лет назад часть своей земли под храм, излечившись от какой-то болезни. И вот эти гадюки так с тех пор и живут тут, сделав это место знаменитым. Во дворе растут мангустиновые деревья, с которых они слизывают каких-то насекомых, и еще нужны лягушки, которых здесь сколько угодно. Ну, что еще? Распоряжается храмом клан хоккьенцев, хотя один мой знакомый сказал бы вам, что на классическом мандарине их следует называть «фуцзяньцы». Главный попечитель – издатель газеты «Стрейтс Эхо» Лим Сенг Хуэй, понятно, что хоккьенец. Все.

– Благодарю вас, – смиренно поклонился мне освобожденный от своего груза Элистер и жестом предложил выйти на нещадную жару.

Я печально вздохнула и повернулась к выходу.

Это был второй удар, нанесенный мне темноволосым гостем, которого письмо моего дальнего родственника из Калькутты рекомендовало как хотя и относительно молодого, но весьма уважаемого этнографа. «Он недавно устроился в качестве эксперта в здешнюю администрацию, – гласило письмо, – сейчас его зачем-то посылают к вам. И я не знаю лучшего, чем вы, человека, который мог бы показать ему город».

Удар номер один был нанесен за полчаса до визита в храм – сразу при знакомстве.

– Госпожа Амалия де Соза, – тщательно выговорил возвышавшийся надо мной молодой человек, не забыв сделать ударение на первом слоге фамилии.

Девяносто процентов его соотечественников в нашем городе с упорством маньяков произносят мое имя «де Суза» и с ударением на последнем слоге. Я уже заготовила для неведомого мне тогда Элистера Макларена любезный ответ, начинавшийся со слов «де Соза, с вашего позволения», и продолжавшийся комментарием к ударению. – «Я все-таки португалка, а не француженка».

И весь этот сценарий – ах, жизнь полна разочарований – с позором отправился туда же, куда и ямные гадюки неизвестного мне господина Вагнера, то есть на отдых.

Невысокие цементные ступеньки вели нас из храма вниз, на залитую светом не асфальтированную еще улицу. Там стояло несколько повозок, запряженных белыми быками, три-четыре рикши.

А на середине дороги лежал, скрутившись в клубок, какой-то человек, с руками, прижатыми к лицу. Китаец-пуллер склонялся над ним, упершись руками в колени. Потом он повернул к храму – и к нам с Элистером – недоумевающее, бурое от солнца лицо.

Я, наверное, так бы и осталась стоять на ступенях, не зная, что делать, но тут Элистер вежливо освободился от моей руки и сделал несколько шагов вперед и вниз. Присел перед скрюченным в белой пыли человеком. Протянул руки, прикоснулся к ладоням лежавшего, будто бы пытаясь оторвать их от лица. Наклонил голову еще ниже, потом встал и тронулся ко мне.

– Госпожа де Соза, а нет ли случайно в этом храме такого достижения цивилизации, как телефон? – спросил он, хмурясь.

– Без малейших сомнений, – начала я, – это совсем не бедный храм, вот, видите – идущие к нему провода, по которым уже наверняка научились шляться обезьяны…

Элистер, так же хмурясь, двинулся к храму; телефон нам показали мгновенно, в комнате, сплошь заклеенной полосками бумаги с иероглифами. Тут он вытащил из нагрудного кармана своего сафари линованный клочок с номером, покрутил черный эбонитовый диск над перламутровым циферблатом и произнес:

– Господина Коркорана, того, который вчера прибыл из Калькутты… Корки, это Маклин. Да? Но я не об этом, как ни странно. Скажи, чтобы немедленно выслали авто с констеблем по адресу… – Тут он обратил на меня серьезный взор. – Змеиный храм в Сунгей Клуанге, Сунн-гей-клу-ан-ге, к югу от города, – повторил он за мной. – Здесь прямо напротив входа лежит убитый.

– Что? – спросила я.

– Понятия не имею, – продолжал говорить в трубку Элистер, – мы просто вышли из храма, а он лежит на дороге… Возможно, драка… Нет, ни единого шанса – он был убит мгновенно.

Я растерянно смотрела на Элистера. Тут началась суета служителей, двинувшихся скопом на улицу, где все пуллеры рикш собрались вокруг лежавшего, тут и я зачем-то сделала несколько шагов вперед.

– Лучше не надо, – быстро сказал голос Элистера сзади, но я уже все увидела и замерла в недоумении.

Между пальцами убитого торчали рукоятки двух сложенных вместе палочек для еды. Казалось, он пытался в последние секунды жизни выдернуть их из того места, где они почему-то оказались.

Из собственной глазницы.

Тут рука Элистера крепко взяла меня за локоть и повела мимо пахнущего скотиной глинобитного сарая, туда, где между голыми пористыми стволами кокосовых пальм можно было найти подобие тени.

Нервно, отплевываясь от крошек табака, я попыталась зажечь свою «Данхилл», Элистер помог мне. Чуть успокоившись, я увидела, что служители храма встали по обе стороны убитого, отгоняя всех прочих. И подняла к Элистеру все еще окаменевшее лицо.

– Собственно, нам незачем ждать тут полицию – не мы первые его нашли, – негромко сказал он. – Если что, я расскажу вечером Корки все, что мы видели. Это настоящий полицейский. Дальше все сделают без нас. На чем тут возвращаются в город, госпожа де Соза?

– Амалия, – сказала я со вздохом. – Хотя наш остров – совсем не Америка, где переходят на имена при первой же встрече, но как-то после такой встряски хочется слышать свое имя, а не фамилию. А в город едут все на том же – на рикше. Это далековато, но таксомоторов как-то не видно. Вот этот пуллер, кажется, подкатил свою рикшу только что, он не будет нужен полиции…

И мы устроились рядышком на высоком, обтянутом кожей насесте между двух колес высотой в рост человека (Элистер очень аккуратно подтянул свои длинные ноги куда-то к ушам). Пуллер раздвинул над нашими головами кожаную гармошку крыши, взялся за рукоятки, склонился почти к земле и тихо сдвинул рикшу с места. Я нервно оглянулась на удаляющуюся толпу посреди дороги.

– Жэнь-ли-чэ, – сказала я Элистеру после весьма долгой паузы. – Что означает «повозка человеческой силы». Джинрикша по-английски. Вы ведь знаете, что слово «рикша» обозначает только коляску, а не того, кто ее толкает? Он – пуллер.

– Ваш английский великолепен, Амалия, но неужели вы знаете еще и китайский?

– Слов пятьдесят, не очень разбираясь, какое из них хоккьенское, какое кантонское, а какое… Они очень плохо понимают друг друга, эти китайцы, если родом из разных провинций… Боже мой, что все-таки случилось с тем человеком?

– Думаю, просто подрался с кем-то. Постарайтесь забыть о нем, Амалия, – это не наша с вами вина, так же как вы не виноваты, что змеи…

– О святой Франциск, не надо о змеях…

– Да, давайте лучше о приятном. И я не святой Франциск, я Элистер – раз уж вы Амалия. Например, давайте вот о чем – что такое ланч в вашем городе?

А город этот уже обнимал нас своими улицами – ряды оштукатуренных и побеленных колонн, повыше – деревянные ставни самой нежной раскраски, еще выше – гипсовые оттиски медальонов с каменными цветами и иероглифами, и, наконец, кирпичного цвета черепичные крыши с черно-зелеными, от времени, потеками. Лучший город на земле.

– А ланч в этом городе, – перевела дыхание я, – это самая интересная из тем для разговора. Бесконечная тема. Потрясающая тема. Ну, и, конечно, идти здесь надо к китайцам, хотя яванцы тоже очень интересны. Малайцы не на мой вкус, ну, а индийцами вас не удивить. А вот там есть хорошее место… Куин-стрит, – сказала я в спину пуллеру, тот кивнул конической соломенной шляпой и повернул рикшу налево, в темный проход, пахнущий дымом сандаловых палочек, китайской травяной аптекой и керосином. – Вон к тому углу.

А на углу был один из здешних восхитительных «кофейных домов», где на самом деле не столько пьют кофе, сколько едят, едят много, с упоением, разборчиво и пристрастно.

Потолочный вентилятор, казалось, готов был оторваться от своего металлического шеста и упасть нам на головы, или вылететь между колонн в белое сияние улицы. На чуть плесневелой стене красовались портреты короля Джорджа (веселые глаза, бородка клинышком и очень много орденов) и доктора Сунь Ятсена, еще не в привычном френче, а в европейском костюме, с тростью и распушенными усами.

– Лучшее их блюдо – это самое простое ми, то есть лапша, – сказала я, подводя Элистера к столику. – А именно, ми Ява. Сама лапша желтая и толстая, в мощном таком соусе, где есть томатная паста, перчик чили, луковое пюре и еще для густоты – чечевица, тапиоковый крахмал, да чуть ли не картошка. И это не все: подается ми Ява с большими креветками, яйцом, кальмаром в карри и опять же картошкой, кусочками.

И тут я замолчала. Потому что, пока я произносила свою вдохновенную речь, Элистер, оказывается, вытащил из бамбукового стаканчика две из пучка торчавших в нем палочек для еды, теоретически чистых, вложил их в кулак и задумчиво протыкал ими, как кинжалом, воздух, раз, другой – на уровне глаз.

Поняв, что делает что-то не то, он спохватился. Я застыла, меня начала охватывать паника. Элистер виновато бросил палочки обратно в стакан.

– Амалия, послушайте, это была нелучшая идея с моей стороны, я настоящий идиот. Я просто задумался – зачем надо было… Ну, вы же знаете, что все равно рано или поздно будете есть палочками, возможно – уже завтра, а сейчас, может быть, у них есть вилки или ложки?

– Здесь нет, это очень хорошее место, – несчастным голосом сказала я. – Там, где есть вилки и ложки, есть не советую, это значит – ресторан специально для глупых европейцев…

– Давайте вот как: выйдем, обойдем вокруг квартала и скажем себе: мы оставили прошлое позади. А потом посмотрим – если сможем, вернемся сюда и будем есть палочками, или пойдем сначала выпить в какой-нибудь европейский отель, хотя не хотелось бы этого делать на такой жаре. Или попросту купим где-нибудь ложки. Хорошо?

– Да, – сказала я. – Это маленький квартал. Обойдем его. Извините, Элистер. Не каждый день видишь покойников. У нас ведь очень тихий город, и притом что в него с каждого корабля сходит несколько десятков иммигрантов в день – не то что убийств, а даже драк нет. Сейчас у меня все пройдет.

Тощий официант, вытянувшись в струнку под портретом короля, бесстрастно смотрел, как мы выходим. Мне было стыдно. Боже мой, какой идиотский получается день – а молодой человек ведь в сущности так мил, и вот он сейчас

смотрит на меня, как на героиню немого синема, заламывающую руки и закатывающую глаза.

Мы миновали уголок с таким же китайским «кофейным домиком», Элистер мрачно взглянул на него – и вдруг остановился на перекрестке, который, чуть дымя, пересекал угловатый «форд».

Там, за перекрестком, кончались китайские лавки и начиналось совсем иное царство – с удушливым запахом жасминовых гирлянд, с умопомрачительным многоцветьем тканей в лавке, где над головой висели на плечиках ряды пенджаби и заколотых сари. Из медного цветка граммофона доносилась гнусавая трель индийских флейт.

Элистер глубоко вздохнул, уверенно вскинул голову и улыбнулся. Ноздри его раздулись.

– А вы знаете, Амалия, вот оттуда ощущается абсолютно правильный запах. Запах брияни. И я вижу, что они умеют делать лакшми-параты… Да там еще и чисто.

Над входом была малопонятная мне вывеска – Shri Ananda Bahwan. Рассматривать ее долго не пришлось. Элистер взял меня за локоть и буквально заставил пересечь улицу, спуститься на ступеньку вниз, в зал, где прямо мимо моего носа пронесли длинный, как салфетка, кислый блин – досу. Несли его, вместо тарелки, на банановом листе, только что вымытом и лакировано-блестящем.

– Ну, вот видите – это не едят палочками, – победно сказал Элистер. – Это вообще ничем не едят. А просто руками. Вы умеете есть руками, Амалия?

– Живя в этом городе, я бываю, конечно, и у индийцев, – слабым голосом сказала я, размышляя: кто он такой, чтобы брать инициативу на себя?

А Элистер уже усаживал меня на скамью у отделанной чисто вымытым кафелем стенки и поднимал голову к приблизившемуся чрезвычайно важному на вид человеку в белой чалме, с бородой и закрученными усами, в очках на веревочке. Каждый индиец на вид – академик, и каждый смотрит на вас так, будто вы его расшалившийся внук: ну, и что ты скажешь, малыш, зачем пришел туда, где

тебе не место? Я засмущалась окончательно, поспешно вспоминая: что я знаю об индийской еде, кроме неизбежных тандури-чикена, муртапака и еще чего-то такого же уныло-повседневного?

Но тут Элистер повернул голову в сторону академика в очках, открыл рот – и уверенно произнес длинную фразу, так, будто в его рту оказалось множество щелкающих камешков.

Индиец вскинул голову еще выше и, сделав плавный жест рукой, ответил фразой еще более длинной. Элистер, с коротким вежливым смешком, не остался в долгу. Он говорил мягко, без малейшей заминки, на языке, который в его исполнении звучал попросту красиво. Я еле успевала улавливать относительно знакомые слова: чапати доса, ги доса, ведж – тут мои знания кончались.

И мир изменился. Человек в чалме улыбался совсем другой улыбкой, я вдруг почувствовала себя уважаемой личностью. Нам несли мокрые салфетки – вытереть руки. Нас по полукругу обошел служитель с деревянной лодочкой в руках, оставлявшей за собой белый дым курений. Перед нашим носом появилось бронзовое блюдо с хрустящими тонкими хлебцами и тремя соусами в маленьких мисочках. Солнце, прорвавшееся сквозь щель в занавеске, блеснуло в седине индийца, благожелательно наблюдавшего за нами из дальнего конца зала. Я с удовольствием поджала одну ногу и откинулась на деревянный подголовник скамьи.

– Что это было, Элистер, – тамили?

– На тамили – только первая фраза, дальше мы перешли на бенгали, – скромно поправил меня он. – Это оказался тамил, но родом из Восточной Бенгалии.

Я закатила глаза к потолочному вентилятору:

– Как насчет санскрита?

– Довольно слабо, – блеснул глазами Элистер. – Мой анализ влияния санскрита на тамильскую поэзию был признан неудачным. Либо же влияния такого вовсе нет. С тех пор смущаюсь. И, кстати о смущении, простите меня за идиотские гимнастические упражнения с палочками…

– А вы меня – за зеленых гадюк…

– С этого момента – ни слова о зеленых змеях! – торжественно поднял длинную ладонь Элистер.

– Ни слова о них! – подтвердила я.

Вот тут человек в черной чалме с красной точкой на лбу (под ней проступал священный пепел) принес еду – оранжевый от шафрана рис на банановых листьях, дышащий всеми ароматами Индостана: гвоздика, корица, анис, кусочки мяса, ананаса, еще чего-то нечеловечески вкусного. «Как этот мальчишка нашел хороший ресторан с помощью одного лишь носа?» – мелькнула у меня в голове завистливая мысль. А мальчишка полил рис огненным соусом, примял первую порцию вытянутыми лодочкой пальцами (хорошо, если на них нет порезов, – этот соус может прожечь насквозь дюймовую доску), попробовал, полил еще. И мы в полной гармонии прикончили рис, после чего индиец в черной чалме принес лично мне прозрачный, почти эфемерный блин, стоявший пирамидкой и на глазах опадавший, как рушащееся здание, от фруктового соуса.

– Я еще заказал дерганый чай, – удовлетворенно откинулся на сиденье Элистер. – И если вот тот поваренок не будет бояться разводить руками достаточно широко, то день у нас с вами получится в целом превосходный.

Поваренок-тамил с темным лицом и длинным носом, видневшийся в квадратном окне в кухню, затравленно оглянулся на странного индийского англичанина. Но сделал все как надо: виртуозным движением перелил чай из одного медного стакана в другой, разведя при этом руки на полную их ширину – так, что в какой-то момент показалось: одна его рука выдергивает из другой тонкий коричневый канат. Никто не знает, почему дерганый чай лучше разболтанного ложкой. Но он лучше. Намного.

– Я вас сейчас отправлю спать, – сообщила Элистеру я. – Вы, как и я, человек тропиков, и знаете, куда деваться после полудня. А дальше… если вы не сердитесь на меня…

– Ни слова о зеленых змеях!..

– …и если вас отпустит начальство, то теперь я знаю, куда вас надо повести, например, завтра или послезавтра. Могила капитана Меркана Каудера. Мечеть, которую называют его именем. И вообще индийские кварталы. Если уж с китайцами у нас как-то не получается.

– Кстати, о китайцах, – осторожно начал он. – Скажите, Амалия, – тут что, нет кинжалов или чего-то в этом роде? Или это обычай такой – убить палочками? Что, их таскают с собой в качестве оружия?

Сытая и счастливая, излечившаяся от шока, я уже не возражала против темы:

– В первый раз о таком слышу: убить палочками? Хотя идея простая. Вы понимаете, Элистер, многие китайцы из тех, кто победнее, носят свои палочки с собой. Потому что есть им приходится в таких местах, где с чистотой бывают проблемы. И чем брать палочки заведения…

– Лучше носить свои, потом облизать и спрятать, – согласился Элистер. – И, кстати, вашим опытным глазом – кто могли быть эти люди, убийца и убитый? Я не различаю тут людей по одежде…

– Какая интересная проблема, дорогой господин Макларен! То есть – Элистер… Ну, кто был убитый – это мы узнаем завтра из газет. Что он там делал, у храма, – кто ж его знает. На чем приехал: допустим, на рикше. Он не был похож на человека, который выбрал бы такси. У храма, если помните, ничего, кроме рикш, не было. Таксомоторы там просто так не стоят – кругом ничего нет, кокосовая плантация. Но вот что интересно: если люди приезжают к храму, то или сразу идут внутрь…

– А мы были там одни, – быстро напомнил Элистер.

– Тогда что он делал снаружи, на жаре? – продолжала размышлять я. – Хотя причин может быть сколько угодно – подъехал к храму, не успел выйти из рикши…

– Как был убит пуллером, не согласившимся с платой…

– И, кстати, вот кто таскает палочки с собой – так это пуллеры рикш, у них это просто профессиональная привычка. Убил одного седока, взял другого и поехал дальше.

– Дело раскрыто, Амалия!

– Вам надо служить в полиции, Элистер!

– Э… – чуть смущенно сказал он.

– Что? – повернула я к нему голову.

– Э… я служу там.

– Вы? Бог мой, вы, говорящий на всех языках матери-Индии? Пишущий исследования по санскриту?

– Ну, я все-таки не совсем постовой констебль, а языки как раз меня туда и привели, – продолжал смущаться он. – Управление полиции Бенгалии… Там много очень интересной работы. Ну, видите ли, это – другая жизнь, полная всяческих неожиданностей. Вот, например, меня послали в какую-то странную поездку, тут на мое счастье друзья выдали рекомендательное письмо к вам, и вот я знакомлюсь с абсолютно загадочной юной леди…

– Чтобы не спешить лишать меня ореола загадочности – объяснитесь, что странного в этой поездке?

– Да, видите ли, Амалия, – сказал он слегка задумчиво. – Мне не сообщили, зачем я еду. Нас сюда отправили несколько человек. Мы с Корки – которому я звонил от храма – были последними, мой лайнер пришел вчера ранним утром, как вы знаете, его – накануне. Мы должны были в день приезда явиться к одному из офицеров вашей полиции. Который и сказал бы нам, что мы должны делать. Но его не оказалось на месте. Прочие приехавшие тоже сидят без дела и чего-то ждут. Корки остался сегодня в управлении, отпустив меня с вами, и ждал новостей. И первая фраза Корки, когда он взял трубку, была: «Ничего нового, вот так и сижу».

– То есть? – не сразу сообразила я.

– То есть? – еще задумчивее проговорил Элистер. – Ну, понимаете, на наши вопросы не отвечают или отвечают как-то странно. Говорят, что это не к ним, а к тому самому офицеру. А его все нет. И я бы даже сказал…

Он достал сигарету из длинного портсигара, пошарил руками по нагрудному карману.

– Я бы даже сказал, что никто в управлении не знает, куда этот человек делся.

2. Тут-тут-тут: это очень хорошо, если исполнять правильно

– Да он шпион, твой молодой человек, – сказала мне Магда с великолепной уверенностью. – Приехал сюда отдыхать после опасных операций где-нибудь в неспокойном Пенджабе. Ну, Пенджаб ведь всегда неспокоен, верно? Ты говоришь, он этнограф, который знает все языки Индии?

– Не все, их штук десять только основных…

– Этнограф, который пошел в полицию? Расследовать кражу пенджаби, сушащегося на шесте на втором этаже? Не смеши меня. Это не та полиция, что ты думаешь. Это одно такое специфическое ее подразделение… Значит, так: шпион – это человек с выдающимися способностями, невысокий, без запоминающихся черт лица и с особым – неприятным и пронзительным – взглядом. У него пронзительный взгляд?

– Смотря в каком смысле, – задумалась я. – Он иногда смотрит как бы поверх тебя, будто на потолке или в небе есть какие-то письмена. На санскрите, например. У него скорее младенческий взгляд, Магда. И он очень высокий. В общем, непохож на шпиона.

– О, – вдруг запнулась она и наклонила вбок золотоволосую голову с выдающимся носом. – Вот как. Ну, что ж. Хорошо. Наш план насчет Лима остается в силе? Я пойду тогда вниз его встречать, и мне сначала надо сделать

несколько глубоких вдохов и в целом немножко озвереть. Главное – чтобы Тони случайно не выполз из логова со своими филологическими изысканиями. Он собьет мне весь ритм. Так, вперед.

Я придвинула к себе чай в кружке с крышечкой из толстого фарфора – по черному фону идут серые извивающиеся лианы и багровые цветы. Взялась за газету, привезенную из дома в корзинке велосипеда.

И очень удивилась. Потому что убийство у Змеиного храма выглядело в «Стрейтс Эхо» очень скромно и очень странно. На четвертой полосе! В нижнем правом углу!

Кенг Хяп Ео, младший партнер компании «Кенг Гуан Конгси», обнаружен с колотой раной за городом, в районе Сунгей Нибунг Бесар. От полученной раны он скончался. Полиция подозревает ограбление.

Всё.

Это было даже не странно, а невероятно. Потому что убийства в Стрейтс-Сеттлментс, колонии его величества, вообще большая редкость, и место им на первой полосе. А убийство с помощью палочек для еды!.. И почти на ступенях храма, где обычно происходят исцеления, а вовсе не умерщвления… Это сенсация, которой хорошему репортеру хватило бы на неделю. И можно было ожидать, что пока, в отсутствие фактов, газетная площадь должна быть заполнена массой бессмысленных подробностей, которых мне и требовалось – как можно больше. Чем, например, занимался убитый, кроме своего младшего партнерства непонятно в каком бизнесе? Что делал у Змеиного храма?

Я снова вгляделась в три хилые строчки: да если человек не знает, что Сунгей Нибунг Бесар в трех шагах от храма, то в жизни не догадается, о чем речь. Более того, безымянный репортер вообще, кажется, перепутал место преступления – не перетаскивали же служители храма тело поближе к соседней деревне? А что это за невыразительное «колотая рана»?

Тут я подумала, что занимаюсь не своим делом. Но к телефону все же потянулась:

– Тео, про то, как выступит в нашем кабаре несравненный шанхайский джаз, мы, конечно, прочитаем в «Эхо»? Послезавтра. Да, отлично. А не хотел ли бы ты заключить со мной еще одну ценную сделку? Ты мне скажешь все про одного покойника, а я тебе дам наводку на одну странную историю. О которой, понятное дело, пока никто не знает. Да? Отлично. Меня интересует человек, которого убили у Змеиного храма. Да попросту я там была как раз в это время, и меня до сих пор трясет. И поэтому мне непонятно, что за тусклая у тебя заметка о таком происшествии. Да? Ну, можно и наоборот – если ты так хочешь, и если сдержишь свое слово. Значит, так: попроси репортеров покопаться, куда делся какой-то довольно крупный чин в местной полиции. Не знаю, как зовут. К нему приехала целая группа коллег из Калькутты, а он как-то загадочно исчез. Вот. Итак, Тео?

Трубку я клала в некоторой задумчивости. Разгадка оказалась простой и не очень интересной, но наводила на новые мысли.

Убитый был полицейским информатором или кем-то в этом роде, вот что. И в здании на перекрестке Лайт-стрит и Бич-стрит, как и следовало ожидать, попросили газету не привлекать излишнего внимания к этому случаю – известная полицейская застенчивость.

Я снова вспомнила каждое вчерашнее слово, каждое движение Элистера – нет, ни малейших признаков того, что он понимал: несчастье случилось с его коллегой!

Но что у нас получается? Полицейский посещает храм, другой связанный с полицией человек зачем-то стоит у входа этого храма и получает… Свои следят за своими? А чужие их за это убивают? Бред.

Нет-нет, Элистер Макларен явно не представлял, что происходит. Позвонил в полицию, спокойно уехал со мной на ланч. Значит – он тут ни при чем.

Или это пример великолепного умения не выдавать свои чувства? «Да он шпион, твой молодой человек», – сказал мне еще раз уверенный голос Магды.

В общем, полная ерунда, с которой в городе и без меня есть кому разбираться.

В дверях возник бой и кивнул.

Я прикончила чай и пошла по мощной лестнице с ограждением из кованого железа – вниз, в зал, где Магда уже вилась, как кошка, вокруг знаменитого Лима из Шанхая.

А продолжился день, как ни удивительно, встречей с тем же очаровательным этнографом Элистером. И после этой – уже, значит, второй – встречи я окончательно поняла, чем хорош молодой человек. Кроме безупречного воспитания, естественно.

Конечно, мне, с моим сложным происхождением, не следовало размышлять о слишком интимной дружбе с чистокровным англичанином – я тогда окажусь не первой, кто нарывался тут на неприятности.

Но раз так, раз ничего серьезного тут не ожидается, то с Элистером можно чувствовать себя абсолютно свободно и развлекаться как угодно. И это было великолепно, потому что с этим человеком мне на самом-то деле хотелось делать только одно.

Смеяться, хихикать, всячески веселиться.

Смех пузырем веселящего газа запрыгал у меня где-то в солнечном сплетении, как только я увидела его на улице возле…

Тут надо сказать, что утром он в панике позвонил мне из некоей лавки с телефоном и попросил перенести место встречи: его любимый друг Корки, все так же мучившийся от безделья, утащил его на какую-то операцию, проводившуюся местной полицией. В итоге Элистер понял, что может заблудиться и не успеть встретиться со мной у Мечети Капитана Клинга, и назвал совсем другой квартал, на Пенанг-стрит. Куда мне на моем велосипеде ничего не стоило подъехать. Кабаре у меня тоже на Пенанг-стрит – хотя и в самом ее начале, почти у моря.

Узнала Элистера я с немалым трудом. Это был первый англичанин на моей памяти, который так естественно смотрелся в курта-пижаме – индийской длинной тонкой рубашке до колен, мешковатых штанах и короткой жилетке. А если учесть, что немалая часть наших городских индийцев отлично себя

чувствует в европейских костюмах, то на Пенанг-стрит мне пришлось покрутить головой и приподняться на велосипедных педалях.

Оказалось, что Элистер здесь, в своем индийском наряде, и через головы собравшейся толпы внимательно наблюдает за полицейской операцией бок о бок с кинотеатром «Одеон» – за выносом каких-то ящиков из склада господина Чеонг Фока (иероглифы красовались на вывеске над головой, продублированные, как и положено, латинскими буквами).

Я позвонила в звонок велосипеда, он немедленно обернулся – и торжественно поднял правую ладонь к уху:

– Ни слова о зеленых змеях, Амалия!

– Ни слова о них, проклятых! – поддержала его я, и мы начали хихикать.

На меня с некоторым недовольством покосился мой старый друг, инспектор Тамби Джошуа, – он стоял у стенки, сложив руки на груди, и делал вид, что происходящее его не касается. Все остальные полицейские чины как-то обходили его стороной, но при этом видно было, что он здесь не совсем зря – возможно, чего-то ждет.

А тут подошел тот самый Корки – небольшой, подвижный, оптимистичный, с шевелюрой и жесткими усиками соломенного цвета, оглядел меня с любопытством, пожал руку и заявил:

– Проходите оба через оцепление, увидите занятную картину. Не каждый день такое находят.

Два констебля-сикха в чалмах и при внушительных бородах очень, очень осторожно выносили и ставили на тротуар военного вида ящик с неплотно закрытой крышкой. Смутно знакомый местный полицейский чин-англичанин повелительно двинул пальцем, и сикхи сняли крышку окончательно.

Под ней были какие-то странные толстые палки, завернутые в грубую темную бумагу.

– Этого хватит, чтобы взорвать полквартала, – шевеля от возбуждения усами, сказал Корки. – Зачем вообще запасать динамит в таких количествах, да еще и хранить его на людной улице?

– Зачем вообще – ну, может быть, хотели построить дорогу, – сказала я. – Тут везде строят отличные дороги, от Сингапура до сиамской границы. На нашем острове тоже. Дороги – это динамит. А зачем они его хранили тут, в центре города? Это у нас обычная проблема. Помню, несколько лет назад, когда я уезжала учиться, то тут было громкое дело: пожарный департамент опубликовал результаты расследования, насчет того, что не где-то, а на самой Бич-стрит можно найти целые склады хлопушек и фейерверков до потолка, ящики спичек, консервные банки с керосином. Хозяев отдавали под суд и штрафовали. А тут, смотрите, через стену еще и синема! Там же кинопленка, которая горит, как порох. А пол и балки деревянные. Например, в «Друри Лэйн» в апреле пленка загорелась, хотя обошлось без жертв.

– Кто играет с динамитом, – задумчиво произнес Элистер, – тот… тот придет домой убитым. Смешно, Амалия?

– НЕТ! – сказала я отвратительным голосом, и мы снова начали хихикать. Корки посмотрел на нас подозрительно.

Тут англичанин наклонился над еще одним ящиком – там как раз были красные хлопушки для фейерверков – и сикх-констебль концом своей длинной палки показал ему на что-то в глубине. Нечто вроде больших консервных банок. Констебль отодвинул хлопушки и начал открывать одну из банок, под крышкой которой обнаружился порошок цвета какао. То есть – чанду, готовый к употреблению опиум.

– Проверить, что могут об этом сказать на Ферме, – услышала я слова приказа. – Если этот опиум нелегальный, то вдобавок к динамиту и хлопушкам – это неплохо для одного дня. Совсем неплохо.

– Какое поучительное зрелище, – сказала я тихонько Элистеру. – У вас действительно интересная работа. Не то что у меня – скромной девушки, считающей деньги. Ну, а как выглядят ваши планы на ближайшие часы? Я дрожу от желания отомстить за вчерашний индийский ланч чем-то эффектным и обязательно китайским. Кстати, ланч у нас тут называют «тиффин». А поскольку

еще рано для еды, то есть одно место, которое не всякий вам покажет. Прямо на этой улице. Хотя она довольно длинная. А потом – все прочее, мечеть и так далее.

И мы двинулись – я, ведя велосипед в поводу, и он, длинными шагами рядом со мной – в южный конец Пенанг-стрит, где яичного цвета штукатурка домов отваливалась, обнажая серые бревна, где пахло коровьим навозом и жасминовым дымом.

– И что это за место вокруг нас – ведь вы знаете тамильский и все-все-все про тамилов?

– Четтиары, – сказал он мечтательным голосом, глядя на две парочки черноликих бритоголовых индийцев, сидевших друг против друга на земле и разделенных странного вида темными досками, типа шахматных. – Это же настоящие четтиары. Клан наследственных ростовщиков. Заключают сделки за такими досками вот уже сколько столетий. И попробуй найди их в самой Индии. Надо еще ехать на поезде. А тут – вот они, значит, где. О, Амалия, спасибо вам за это!

– Однако, уважаемый друг мой Элистер, – и как же вы быстро сориентировались. Да, это тот самый клан, со своим моральным и деловым кодексом. В полном согласии с которым эти люди живут в особых кварталах, четтинарах. Экономно так живут, хотя, скажу вам, потихоньку забирают в залог немало земли в городе. Вот мы тут с вами и стоим, это место называется иногда «Четти-стрит». А теперь угадайте, что еще я хочу вам показать?

Элистер смотрел на меня очень внимательно, крепко сжав губы.

Я переместилась так, чтобы ему стал виден небольшой храм, похожий на усеченную, покрытую резьбой пирамиду.

– Что здесь произойдет в январе-феврале?

– Тайпусам. Конечно, Тайпусам, – блеснул он глазами. – Это же четтиары, это их праздник. Значит, вот отсюда…

Да, вот отсюда начиналось – и сейчас ежегодно начинается – то, что для меня, малолетней прихожанки храма Непорочного Зачатия и искренней католички, год за годом было одним из самых сильных потрясений детства. Да и сейчас это зрелище поражает немало.

Взвизги людей, закинутые головы, крутящиеся белки глаз, заведенных под черепную коробку. Жужжащие флейты и мощные барабаны, жасмин и сандаловый дым, стиснутые в плотную толпу тела. Женщины несут на головах кувшинчики с молоком, мужчины – деревянные арки, увенчанные теми же кувшинчиками. И вот под визг, переходящий в вой, над толпой распускаются железные веера клеток, украшенных павлиньими перьями. Они лежат на плечах полуголых мужчин, но не только на плечах, а и на пучках железных штырей, воткнутых под кожу куда-то вокруг лопаток и грудных мышц. А самые страшные штыри протыкают им щеки насквозь, вместе с языком.

«Вэл, вэл, вэл», – скандирует толпа, глухо бьют в такт барабаны. Ни капли крови не сочится из-под штырей, раны заживут потом на глазах, смазанные священным молоком. «Вэл, вэл, вэл» – медленно продвигаются по улице шеренги железных клеток на плечах людей – а за ними, выше всех, венчает колесницу божественный Муругам.

И так, на жаре, под грохот и вопли, пронзенные железом люди идут к Уотерфол-роуд за городом. К водопаду, к одноэтажному храму – по сути сараю с невысокими греческими колоннами строгого ионического ордера, среди пальм и похожих на слоновьи уши банановых листьев. Там кающиеся и молящиеся освобождаются от своего бремени – так и не пролив ни капли крови – и, как говорят, спят потом сутки без перерыва.

– Итак, это Койл Видху, храм четтиаров, – сказала я Элистеру, взглянув на чернеющий прямоугольник входа туда. – А напротив… Вот этот сарай, на самом деле как бы гараж… Что здесь, Элистер? А?

Он уже стоял, пытаясь вглядеться в темноту за щелями досок, а я искала глазами кого-то из четтиаров, чтобы они открыли высокие ворота.

– О мой бог, о мой сладкий бог – серебряная колесница Муругама! – почти прошептал он. – И к ней можно прикоснуться? Вы не представляете себе, сколько сотен миль нужно проехать по Индии, чтобы увидеть… А здесь – все на

одной улице!

– Если я сейчас не найду сторожа, то не расстраивайтесь, Элистер, это горбатое сооружение напоминает то ли передвижную пирамиду, то ли черепаху. Бревна растрескались от времени, серебро похоже на круглые колпаки, надетые на этакие бугорочки. Хотя когда в январе колесницу почистят и завалят цветочными гирляндами – очень впечатляет.

– Значит, возможно, восемнадцатый век, – совсем потрясенный, отвечал он. – А может, и… страшно сказать…

– Элистер, – воззвала я к нему, когда он отошел от предъявленного ему, наконец, гордыми четтиарами сокровища и наговорился с ними всласть, – а среди ваших британских собратьев в Калькутте есть ли кто-то, равный вам по знанию вот этого всего?

– Вообще-то сейчас нет, – честно признался он.

– А зачем тогда вам было идти в полицию?

– Вот именно поэтому, – мгновенно отозвался он. – Вдруг и там мне равных не будет? Ну, и жалованье все-таки…

Я очень хорошо помню этот момент: он, сидевший на деревянной скамье в китайском «кофейном доме», повернулся в профиль и посмотрел в потолок, скрывая гордую улыбку гримасой губ. И поднес к этим губам сигарету, держа ее по-хулигански – большим и указательным пальцами, с отставленным мизинцем.

Передо мной был молодой человек, хорошо знавший, что он оказался лучше всех, и намеревавшийся проделать в своей жизни эту штуку по второму разу, безупречно вежливо и всем назло.

Вот тогда-то от этой мальчишеской гордыни мое сердце и начало таять.

Но тут пришла еда, много отличной еды, потому что сидели мы в «кедай копи», то есть кофейне – на углу Макэлистер и Пенанг-стрит, у старины Сеоу Фонг Лье, который обычно обслуживает сразу несколько прилавков с кипящими котлами, с

коих особо рекомендуется ван-тан ми, то есть еще один вариант лапши. Но я подошла к делу по-иному, выбрав бак чан – это туго завернутые в бамбуковые листья пирамидки, внутри которых клейкий рис с какой угодно начинкой – свинина, желтки соленых утиных яиц, каштан с креветкой. Полагается тыкать эти пирамидки в острый соус.

А так как жевать клейкий рис нелегко, то вдобавок я выбрала то, что здесь называется попиа, – это хрустящие, невесомые, золотистые весенние блинчики, внутри которых может быть что угодно: китайская репа, зеленая фасоль в стручках, морковка, маленькие креветки. И подается все это с овощами типа длинных полосок огурцов, зеленью и соусом из арахиса. Все очень сочное и легкое.

Но был еще десерт. Бан чан коай – это тонкий блин в сковородке-горшочке, куда в серединочку добавляются тертые орехи, сладкая кукуруза, масло, сахар. Блин потом достают и складывают вдвое.

Ланч, таким образом, состоял из трех видов блинов с начинкой, и в этом проявилась присущая мне изобретательность и творческая дерзость. Вдобавок то был мой ответ Элистеру на проигнорированную им накануне досу (тоже блин) и то сооружение под фруктовым соусом, которое он заказал мне на десерт. Фантазия на блинную тему.

Я победно пощелкала в воздухе палочками: больше не боюсь.

А Элистер, с тем же выражением, с каким он смотрел в пасть зеленой гадюке («какая интересная проблема, дорогая Амалия!»), вложил в правую руку одну палочку, а потом начал пристраивать другую. И уронил обе.

– Ага! – сказала я, торжествуя.

– Ага, – сокрушенно подтвердил он. – Это трудно.

– Или я кормлю полицейского этнографа как младенца, что трогательно и мило, или он за шестьдесят секунд выучивается есть сам, – пригрозила я.

– И того, и другого, – выбрал он и ткнул палками в клейкую внутренность бак чан. И, конечно, у него все получилось, поскольку к такому виду риса палочки попросту пристают намертво.

– У нас с вами потрясающая жизнь, – сказала я, наконец, не в последний и не в первый раз укоряя себя за обжорство. – Лучшая в мире еда. Храмы. Убийства. Ящики с динамитом. А как вы их нашли?

– Ящики? Ну, это не мы, а местная полиция, – пожал он плечами. – Сообщил информатор, пришли констебли. Всё так просто.

– Это не тот информатор, который был убит накануне почти на наших глазах? – поинтересовалась я.

Честное слово, я сказала это наугад. Но сразу стало видно, что Элистер удивился.

– Ведь это предполагалось скрыть – а вы как узнали, Амалия?

– Из газет… Трудно что-то скрыть от человека, у которого полгорода – друзья. С одной личностью мы не раз танцевали, а с его сестрой учились вместе. А сегодня он заместитель редактора нашей главной газеты. Вот и всё. У нас маленький город… Ну, на самом деле единственная связь между одной историей и другой – что мы с вами оказались рядом с ними по стечению обстоятельств, ведь так?

– Видимо, так, – сказал он не очень уверенно. – Нет, погодите, Амалия, ведь то дело мы уже раскрыли. Полицейский информатор ехал на рикше, пуллер прикончил его, поскольку они не согласились насчет оплаты.

– Я всё помню – дело раскрыто.

– А теперь мы знаем больше. И можем вычислить связь между одной историей и другой. Накануне тот же полицейский информатор узнал все про динамит, позвонил в полицию, и поскольку за такие дела ему платят бонус, то он решил поехать на следующий день в храм, сказать спасибо своему змеиному богу. И там жадность его погубила, поссорился с пуллером… Дело еще больше раскрыто

– настежь, Амалия!

– Вы как-то не очень весело шутите, – сказала я. – Видимо, вас что-то беспокоит, а я это чувствую. Что, весь ваш десант из Калькутты так и сидит, не зная что делать? Все еще непонятно, зачем вас сюда прислали?

– Непонятно, – кивнул он и укусил ноготь. – Кончится тем, что отправят скоро домой. Жаль. Мне как раз начинает нравиться… ваш город.

– Ну, – сказала я, – тогда вам остается хорошо повеселиться напоследок. Кабаре называется «Элизе». Поскольку, как я уже сказала, я девушка, которая считает там деньги, то вы с Корки – мои гости. Видели рекламу в порту: «Сюда вы можете привести детей»?

– Ах, это то самое, где будет шанхайский джаз, – с интересом вытянул он голову. – Я только подумал, что надо вас пригласить в наш местный клуб…

Так. Рано или поздно это должно было произойти.

– Элистер, – сказала я со вздохом. – Вы еще не поняли? Мой калькуттский родственник вас не предупредил? Я португалка из Малайи, несколько поколений предков у меня жили в этих краях. В Малакке, чтобы быть точной. Я не уверена, что меня стоит приглашать в ваш клуб, который – не знаю. Я девушка с неправильной для вас репутацией. Вам нравится изящный и экзотический оттенок моей кожи? Ага, я ей горжусь. Но она слишком смуглая, скажем так. Здесь нас официально именуют «евразийцами», потому что солдаты Альбукерка… когда-нибудь я расскажу вам эту длинную историю из шестнадцатого века… не привезли на своих кораблях женщин. Мы – на ступеньку ниже англичан, хотя выше китайцев. Спросите у ваших местных коллег, что конкретно это означает. Что нас пускают далеко не во все клубы. Зато у меня – свой клуб. Тот самый, где будет шанхайский джаз. Для вас или Корки туда пойти – отличная идея. И это респектабельное место.

Тут я увидела новое для себя зрелище.

Элистер сердился.

Не на меня, а на ситуацию в целом.

Он всего лишь сидел очень прямо и старательно улыбался, щуря при этом глаза.

– Амалия, мое приглашение в наш клуб остается, – сказал он, наконец, еще более тихим и вежливым голосом, чем обычно. – И я обязательно приду в ваш клуб. Ждите. Только танцую я как слон, но вы мне это простите?

И он понравился мне еще больше.

…Но это было чуть позже. А пока что я тряхнула головой, отгоняя желание заранее рассмеяться, и продолжила свой путь вниз по лестнице – смотреть на Магду, обрабатывающую за столиком в пустом танцевальном зале маэстро Лима из Шанхая.

Лим был очень хорош – стоячий воротник делал его похожим на генералиссимуса Чан Кайши, лицо его было длинным, со светлой кожей и красиво вырисованным крючковатым носом. Что прекрасно гармонировало с прямым, ровно по середине головы, пробором.

Магда дошла до второй стадии знакомства – наливала ему чай и вежливо прикасалась веснушчатой рукой к его рукаву. Лим сидел с надменным взором, розовыми пятнами на щеках и был явно доволен. Он еще не знал, что его ждет.

Мы с Лимом уже были знакомы. Я махнула обоим рукой: продолжайте. И спектакль пошел дальше.

Собственно, Магда, как штатный музыкант нашего кабаре, всего-навсего обсуждала с Лимом – музыкантом приезжим – диспозицию завтрашней баталии. Другое дело, что никакой джаз-бэнд не любит просто так пускать в свою сыгранную компанию незнакомца, да еще и женского пола. А дело шло и должно было прийти именно к этому. О чем Лим пока не догадывался.

– Смеющейся трубой в наши дни никого не удивишь, – восклицала Магда, воздевая к потолку растопыренные пальцы. – Вы только вспомните – человек, у которого труба впервые сказала «вау-вау», это же еще Баббер Майли, который

сейчас сидит в рабстве у юноши Эллингтона! И играет там Creole Love Call, Black и еще Tan Fantasy. А здесь… Я уже и не знаю, чем их можно удивить. Вообще-то в городе живет очень консервативная публика.

– Да, – тихонько подтвердила я, – на паданге, там, где стоит среди зеленого поля беседка для городского оркестра, здешняя публика до сего дня готова слушать «Шейха Аравии» по нескольку раз, с влажными глазами.

Лим в знак презрения чуть поджал губы.

– Должно быть, у ваших ребят в запасе есть какой-то быстрый марш, чтобы, как только вы появитесь на эстраде, все этак встали бы на цыпочки? – осведомилась Магда, склоняя голову набок.

Лим понял, что свита делает его королем, чуть прикрыл глаза веками и, после короткой паузы, изрек:

– Мы начнем с Sunday!

Магда и я выразили величайшее восхищение – с моей стороны вполне искреннее. И я повела дело к решающему моменту:

– А потом, вторым номером? Магда, что ты позавчера такое играла на твоем всесильном инструменте?

– О! – сказала она, капризно махнув на меня рукой. – Я просто была тогда в отличном настроении. Это такое старье, In old king Tutankhamen’s days. Но вот это «тут-тут-тут» – это очень хорошо, если исполнять правильно. То есть правильно отбивать в этот момент ритм палочками. Сначала я пела, ну примерно как Софи Такер, а потом… – тут она протянула руку к как бы случайно лежавшему на соседнем столике футляру с саксофоном, – потом я сделала вот так.

И, наклонившись почти к коленям, она выдула из сверкнувшего медью инструмента искрометное воркование, в котором, впрочем, угадывался неуклонный ритм.

Лим как-то насторожился, начав, кажется, понимать, что происходит нечто необычное.

– У нас такое делает обычно кларнет, – мягко заметил он. – Мы, конечно, тоже исполняем этого «Тутанхамона».

– Я слышала, как это получалось у Сиднея Беше. Великий человек. Первое в истории джаза тремоло на кларнете… Знаете, господин Лим, на кларнете я начинала. Потом перешла на трубу. В общем, все, во что дуют, – все мое. Но вот этот инструмент – это кларнет и труба вместе взятые. Он может все. Вот отдайте мне вашего кларнетиста на поединок в «Тутанхамоне». И вы увидите.

Лим, наконец, все понял и перевел умные глаза на меня, с которой он заключал контракт. Я смиренно склонила голову набок и развела руками: решать вам. И он глубоко вздохнул.

– Госпожа Магда, а где это вы слышали Сиднея Беше?

– Да в Чикаго же, – басом сказала Магда. – И не только его. Настоящий кларнетист – это Барни Бигард, если вы знаете его недавнюю Black Beauty. Сейчас также в рабстве у Дюка. И его я слушала много раз. А еще у нас в Чикаго хороший кларнет был у Джимми Нуна, который написал Sweet Lorraine и Four or Five Times. Там же, в Чикаго, вы начинаете понимать, что такое труба. Есть один черный человек – ему нет и тридцати, но из них он играл на трубе, кажется, лет двадцать. На него просто смотреть страшно – гений. Сейчас у него уже свой бэнд, Louis Armstrong and his stompers. Знаю его через жену, Лил Хардин, неплохая пианистка. Ну, есть Рекс Стюарт, этот и совсем юноша, но большой выдумщик – его труба бормочет, завывает. Он не полностью нажимает вентили. Глиссандо на трубе – представляете? Stampede, Sugar Foot Stomp, просто Sugar. Да? Я как-то тогда задумалась: что мне делать рядом с такими людьми? Моя труба против их труб не звучала. А вот саксофон… это, как оказалось, моя любимая игрушка. В Чикаго, знаете ли, хороший саксофон – это Бад Фримен. У него я кое-чему научилась, хотя еще неизвестно, кто у кого. Сейчас он, говорят, уехал за деньгами в Европу. Ну, и есть еще Фрэнки Трамбауэр. Это просто король, все у него учатся и никому не стыдно. Что он сделал с Three blind mice и Crazy Cat – это вы слышали? Мы с ним познакомились в оркестре Пола Уайтмена.

Лим сел по стойке «смирно».

– Вы играли у Пола Уайтмена? – поинтересовался он, нервно улыбаясь.

Магда возвела зеленые глаза к потолку:

– Да я играла еще в Original Dixieland Jazz Band и делала там Tiger Rag, пока жила в Нью-Йорке, и пока этот бэнд не испарился четыре года назад. А Уайтмен… согласитесь, Лим, это уже стало слишком скучно. А когда он добавил струны к меди, и подавно неинтересно. Да, Пол настоящий динозавр, но сидеть и играть по нотам When Buddha Smiles или Ramona? И так каждую ночь? Как на фабрике? Лучше – вот это.

Тут она снова поднесла к губам саксофон и извлекла несколько звенящих нот, как из трубы.

– Итак, – сказал очевидно впечатленный Лим, – вы хотите показать нам «Тутанхамона»… И что еще?

– Да покажи всем, что такое настоящая Ramona, – посоветовала я, торжествуя его капитуляцию.

…И только когда он уже ничего не мог бы испортить и никому не сбил бы ритм, Тони, как и было предсказано, выполз из своего логова в углу кабаре. Тони был сегодня сероват на лицо, а шнурок от его очков выглядел особенно грязным, но в целом он был в неплохой форме, двигаясь к нашему столику крадущимся тигриным шагом, потирая руки и улыбаясь.

Начался длинный разговор на непонятном нам, дамам, китайском диалекте – Лим вздрогнул от приятного удивления и воспринял все происходящее как еще один комплимент. Мы с Магдой обменялись понимающими улыбками и разошлись по своим делам, она – победно волоча саксофон за горло, как ощипанную курицу.

…А тем временем полиция города, поняв, что происходит нечто невероятное, начала, наконец, серьезный поиск своего собственного сотрудника. Об этом, естественно, я не знала – а если бы знала, то оставалась бы в очередной раз в

уверенности, что я тут ни при чем. Новость о начале серьезных поисков лишь постепенно дошла даже до калькуттцев, бесцельно бродивших то по коридорам полицейского управления, то по улицам нашего города. Официально эти люди так и оставались в некоем подвешенном положении, ведь они должны были не только доложить о своем прибытии, но и получить инструкции. А единственного человека, который мог бы это сделать, не было ни в нашем городе, ни в каких-либо иных городах.

Телеграммы ушли в полицейские управления Ипо, Алор-Стара, Куала-Лумпура, не говоря уж о Сингапуре. Были еще телефонные звонки примерно туда же. Безрезультатно.

Мгновенно были проверены все, хорошие и не очень хорошие, гостиницы нашего города: нет ли где англичанина, по причине, скажем так, плохого самочувствия не выходящего из номера?

Опять-таки я этого не знала и знать не могла (подробности дошли до меня намного, намного позже), но именно в тот день, когда Магда добилась своего от шанхайца Лима, полиция начала выяснять: а когда в последний раз кто-то вообще видел одного из ее сотрудников, того самого? Оказалось, что минимум четыре дня назад. И это всех поразило.

Надежда найти его оставалась, но таяла с каждым новым звонком или телеграммой. Еще были плантаторы на материке, у которых он мог остаться на ночь, а потом еще на день, еще оставались списки пассажиров кораблей…

Но с каждым часом становилось все яснее, что человека этого не было вообще нигде.

3. Оу Шьен

О великий день, когда океанский лайнер, как плавучий город, приближается к пристани Суиттенхэма! О славные имена – «Бенгал мару», заходящая к нам на пути из Сингапура в Рангун и Калькутту, «Гленогл» – из Японии в Гамбург через Коломбо и Порт-Саид, «Ланкастер Кастл» – из Бостона. А иногда – посмотреть на

такое собирались сотнями – на горизонте возникают и растут, растут настоящие гиганты знаменитого на весь мир пароходства P & O: «Раджпутана», «Элефанта», тридцать дней пути и восемь тысяч миль по океанам до Лондона.

О флаги на мачтах кораблей, победно летящие во влажном горячем воздухе! И тяжелая волна, на которой нервно качаются окурки и бамбуковые щепки в этой черно-зеленой пропасти между асфальтом причала и уходящим в небо бортом в заклепках, пепельных ракушках и ржавых потеках! И веера пальм, овевающие ложно-мавританские аркады на гордых фасадах набережной Уэльда – Бустед-билдинг, за ним Шмидт и Кюстерманн, Бен Мейер и Шифман Хир. И – у их подножья – встречающие пассажиров «форды»-таксомоторы и дерущиеся друг с другом за седоков пуллеры рикш!

Вот к такому дню, дню больших пароходов, мы и подгоняли начало контракта с шанхайской знаменитостью – Лимом, как до него – другие подобные контракты. Отели и кабаре Пенанга, конечно, не пуллеры рикш и открыто драться друг с другом не пытаются, но доллары толпы туристов – это доллары, а ведь туристы должны что-то делать вечером, после неизбежной поездки на авто в Ботанический сад – к обезьянам и в Айер-Итам – к громадному буддийскому храму на горе.

Наше «Элизе» сочло самым черным для себя днем, когда по косой лестнице, идущей с неба на асфальт и рельсы пристани Суиттенхэма, спустились в рыдающую от счастья толпу Мэри Пикфорд и Дуглас Фэрбенкс. Уже не китайские пуллеры, а англичанки дрались, чтобы пробиться поближе к этим ступеням и протянуть дрожащую руку создателям сладких снов. С дальнего края толпы я смотрела на эти два таких маленьких в сравнении с афишами лица – Дуглас выглядел утомленным, а Мэри, как всегда, трагичной. Они почти не улыбались и сразу же, как обычные люди, поехали по базарам покупать ту туристическую дрянь, приобретение которой от них ожидалось. И оттуда – снова на лестницу корабля: боги, оказывается, спустились к нам лишь на несколько часов, на пути в Сингапур. Ах, если бы они хоть на минуту оказались в «Элизе» – допустим, чтобы Мэри Пикфорд поправила там прическу!

Но есть еще простые смертные с кораблей, не считая местных обитателей. Англичане, конечно же, к нам заходят не так уж часто, у них свой мир, зато на свете есть немцы, голландцы из Нидерландской Индии, французы из Аннама, и американцы, американцы, американцы с лайнеров – всех их ждет отличный танцевальный вечер в «Элизе».

К премьере мы готовились долго: программа – это не пустяк, ее нужно было отработать до мелочей и предусмотреть импровизации и варианты.

Но я до сих пор помню, как закончился этот вечер – странно, тревожно; я не забуду, как уже в полночь, когда замолчала музыка и стал пустеть зал кабаре на обширном первом этаже, мне быстро и с тревогой поклонился главный бой, показав подбородком на то, что происходило в «капитанском» углу.

А там спиной ко мне сидела Магда, уже давно спустившаяся с эстрады, – ее голова, с перманентно уложенной прической, отсвечивала, как небольшой золотой шлем. Она сидела, подперев маленький острый подбородок двумя кулаками, и молча слушала одинокого англичанина. Который держался прямо, как железный прут, смотрел мимо уха Магды глазами мертвой рыбы и с неимоверным усилием соединял буквы в слова. Короче говоря, англичанин был тяжело пьян, и скоро ему предстояло упасть на стол седым пробором редких волос, после чего его уже не разбудить до самого утра.

Я подошла к Магде сзади и мягко положила ей руку на полуобнаженное плечо, но она даже не пошевелилась, слушая этот скрипучий, мучительно выговаривающий фразы голос:

– Лорд Нельсон видел белки глаз… своего противника. А ты… видишь стальную стену своей коробки. Взрыв снаряда в орудийной башне… Ха… Мясо. А пороховой погреб… Ну, тогда раскаленная волна несется по всем коридорам корабля. Потом приходит другая волна… океан… Не видно противника. Ничего не видно. Только серые колонны воды вырастают из моря. Выше труб твоего дредноута. А рядом – «Королева Мэри». Была. А теперь там только корма, на ней еще вращается винт. Спасли семерых. А была одна тысяча… Одна тысяча двести… двадцать шесть. А дальше… на горизонте… шестнадцать надстроек. Шестнадцать проклятых германских линкоров растут из волны вверх, вот так…

Он начал с усилием поднимать руку, и Магда погладила ее своей:

– Но ведь вы тогда победили. Ведь победили, командор?

– А, – попытался улыбнуться он. – Еще одна такая победа – и… Они потеряли… «Лютнау». У «Фон дер Танна» мы посшибали артиллерию с палуб. Всё. А у нас –

семь крейсеров, восемь миноносцев легли на… дно… И это еще – повезло… Повезло, потому что туман… Туман стал таять, и тут-то все увидели…

Тут каменное лицо человека начало странно дергаться:

– На горизонте – сначала старина «Джордж», как громадный серый утюг, за ним «Аякс», потом «Орион»… Из… ниоткуда. Башни разворачиваются разом. И начинают говорить свое слово пятнадцатидюймовые.

Он замолчал, пытаясь вернуть себе голос и еле заметно раскачиваясь.

– Вам предложат чистую комнату в хорошем европейском отеле. В «Йене», – негромко сказала я, глядя в его неживые глаза. – За счет кабаре. Вас сейчас отвезут туда два человека, которых я вам покажу. Я знаю, что ни один лайнер до полудня не уйдет, значит, вы успеете отдохнуть. Спасибо, что провели этот вечер у нас.

Но он не слышал меня и не видел.

– А за ними «Ройял Оук» и «Железный Герцог». И все-все-все – в боевой линии… Ангелы… обшитые сталью…

Я махнула рукой бою.

Больше я не видела этого человека никогда. Я так и не узнала, как его звали и с какого он корабля. Он никак не участвовал во всем, что начало происходить уже на следующее утро. Но почему-то события последовавших недель для меня теперь навсегда будут связаны именно с ним.

…А в целом вечер прошел попросту великолепно. Да и утром все было просто потрясающе. Началось это утро с моих коленок, торчавших из эмалированного «шанхайского сосуда», и все понимающих глаз Мартины в дверном проеме.

Дело было в том, что под разбудившее меня пение птичек у балкона я начала мысленно выбирать платье. И вспомнила о предельно простой тунике легкого шелка телесного цвета, с косым и напоминающим бахрому подолом. К такому

платью можно было подобрать длинный шарф – цвета заката на пляжах Танджун Бунга. И вполне естественно, что дальше мысли мои обратились к шелку иного рода – лионскому, некоторые интимные предметы из которого давно уже ждали случая в моем гардеробе (и это были не чулки).

Приложив лионские трусики со сдержанно-скромными кружевами к низу живота, я решила, что они смотрятся идеально, чего не скажешь о том месте, к которому я их прижимала. В результате я забралась в обширный «шанхайский сосуд» с безопасной бритвой в руке и, высунув язык, занялась делом, за которым меня и застигла Мартина.

До этой секунды я не думала не только, к примеру, об Элистере, но и ни о ком вообще. В свое кабаре я хожу работать – считать деньги, и даже всерьез не успела настроить себя на то, что хорошо бы и самой потанцевать. А тут, под взглядом Мартины, я начала краснеть, особенно вспомнив, что все равно ведь Мартина должна затем выливать из сосуда воду с предательски плавающими там жесткими курчавыми волосками.

Но такие события все равно лишь улучшают настроение. И оно было просто прекрасным, когда я уселась в китайском халате на балконе, кормить саму себя и двух майн. Зрелого, деликатного и желторотого Афонсо, который умел говорить «а – маия», и такого же желторотого, но незрелого – с хохолком на голове – нахального Чана, который говорить пока не пытался.

Оба устроились на спинке пустого раттанового кресла на моем балконе и ждали, пока Мартина внесет тарелочку с ломтиками папайи и манго, а также тосты и кофе. Тосты как раз и входили в сферу интересов этой пары.

Я поглощала завтрак и, как всегда, представляла, как я выгляжу снизу – с тихой, пустынной Келавай-роуд, куда только-только начали проникать лучи солнца. Лучи эти пронзали пространства между стволов деревьев, параллельно земле, и в них поднимались облачка пыли от метел на длинных рукоятках, которыми шаркали женщины с лицами, укутанными до бровей.

Конечно, я выглядела хорошо, и очень хорош мой домик. Не самый богатый в Пенанге, не то что особняки на Нортхэм-роуд, но зачем одинокой молодой женщине большой дом?

Человек должен жить там, где ему хочется жить. А именно – здесь. С маленьким, украшенным фарфоровой лампой балконом, с которого видна золотая игла ступы буддийского храма на Бирма-роуд – слева, наискосок через перекресток. С несуразно громадным дурианoвым деревом, нависающим над черепичной крышей, с мангустиновым деревом и деревом джамбу, бородатым от лиан. С Афонсо и Чаном, и самое главное – с волшебным стеклянным шаром цвета бледной бирюзы, наглухо вцементированным в черепицу.

Шар этот был здесь всегда, до нас, и даже мама не знала, кто и зачем его взгромоздил на крышу. Я всегда думала, что он волшебный и сулит мне зачарованную жизнь.

Я и сегодня так думаю.

После завтрака я упаковала платье и белье в бумажный пакет, уложив его в корзинку велосипеда. Туда же поместила флакончик «Гималайского букета» («раскрытый дворцовый секрет махараджей»), той же марки тальк, туалетную пудру, лосьон и тоновые пудры. И по набирающей силу жаре поехала в центр, в начало Пенанг-роуд, в «Элизе». Размышляя, удастся ли мне поспать там после обеда где-нибудь в уголочке – впрочем, какие пустяки, можно отоспаться завтра!

Длинный, длинный день, полный приготовлений. Вот уже спала послеполуденная жара, пришел вечер, я сижу на нашем втором этаже, где редким посетителям предоставляют небольшие комнаты (тихий ужин, легкая игра или разговор, но не более того), а вообще-то здесь – канцелярия и комнаты для артистов.

В гримерной готовится к триумфу Магда – полуодетая, с густо наведенными глазами, а я слабым голосом пытаюсь ее увещевать:

– Магда, дорогая, только не так, как в прошлый раз, – что ты там такое начала играть неожиданно для всех? Вагнера на саксофоне?

– Да Моцарта же, – призналась Магда сквозь булавки в зубах. – Навеяло. А что – прекрасная вещь для джаза: «Susanna, sortita…» Амалия, милая, под настроение можно делать всё. Я, по крайней мере, уже это самое «всё» слушала и играла столько раз… Столько раз… Страшно об этом подумать – чего я только не

играла! Я даже помню то время, когда эту штуку, которую мы будем сегодня делать, полагалось писать «джасс».

Тут Магда начала, крутясь перед зеркалом, приподнимать и критически осматривать разные выдающиеся части своего сплошь веснушчатого тела, приговаривая:

– Вещь, конечно, не новая, прямо скажем – подержанная, но если вот тут подтянуть и затянуть и присыпать везде блестками – то очень даже ничего, особенно в полумраке.

Вот минует время ужина, в зале начинают появляться люди, из местных – главный редактор «Стрейтс Эхо», человек со странным для англичанина именем Джордж Биланкин, а рядом с ним, по правую и левую руку, два чина из полиции.

Тамби Джошуа – тот, что стоял у стенки, пока со склада изымали динамит, мой ровесник и друг детства, сделавший удивительную для индийца карьеру. Он инспектор, и даже какой-то небольшой начальник. И Стайн, Лайонелл Стайн, совсем большой полицейский чин, болтает с присевшей за их столик Магдой, склоняя к ней идеальный металлический ежик волос. (Блондин, становящийся седым, – а это ведь красиво, мелькает в моей голове мысль.) Наклоняется еще ближе, постукивает пальцами ее по плечу, откидывает голову и смеется на весь зал. Магда на мгновение прижимается, смеясь, своей густо напудренной щекой к руке Стайна у себя на плече. Отличная пара, если бы не было Тони.

Больше никого из полиции не видно, но народ еще только подтягивается. Хотя мое ухо – и, наверное, много других ушей – улавливает со второго этажа воркование каких-то инструментов. А дальше и топот шагов: они готовы, они спускаются!

И я вставляю сигарету в длинный мундштук и медленно, расслабленно чиркаю спичкой. Представляю себе классический греческий фронтон нашего кабаре с большими, курсивом написанными светящимися буквами – «Элизе», множество мигающих огоньков, освещенную факелами полукруглую дорожку мелкого гравия, расслабленно идущие по ней ко входу пары – сегодня вечерние костюмы необязательны. Оглядываю зал: а ведь это и вправду происходит, пары идут и рассаживаются, как-то так сразу свободные места исчезли, по затылкам бежит ток напряжения.

И шоу начинается.

Потому что под слова конферансье – «сегодня не будет удавов, не будет загадочного факира Немо, зато будет новый бэнд и старые добрые танцы» – по лестнице уже спускаются пятнадцать китайцев господина Лима, с громадным раструбом тубы, скрипками, саксофонами, корнетами, короткими трубами.

И по спине у меня пробегает холодок, потому что в шагах этих слышится четкий и веселый ритм – не то чтобы музыканты шагают в ногу, не то чтобы они заранее начинают пританцовывать, нет, они просто идут, идут так, что всем ясно – уже началось, уже происходит. Ритм уже здесь.

Белые пиджаки с красными бутонами в петлицах, черные брюки, белые носки, лакированные черные туфли, упругая раскачивающаяся походка.

Вот ударник в такт этим шагам как бы случайно начинает неуклонный стук палочками, вот раструбы меди бросают первый уверенный аккорд в полный дыма и ожидания воздух. И до всех вдруг доходит – этот ритм уже не прервется ни на мгновение, вечер начался с блеском, и вот так – уа-уа-па-па-пам – оно будет и дальше, пока все не упадут, без ума от танцев, на свои стулья и не закажут еще джин пахитов, еще оранжадов, еще сингапурских слингов, бум, бум, бум.

«Sunday! Sunday!» – чеканит сияющая медь. Шипят и шаркают медные тарелки, воркуют трубы и кларнеты. Нежность меди, резкость меди. Резвый перестук палочек.

А тут мне и многим другим становится ясно кое-что еще: здесь Магда. Сначала ее, собственно, было не слышно – Магда вписывалась в общий ритм. А потом оказалось, что она, поначалу скромно присевшая где-то за контрабасистом, как бы подтверждает краткими – две-три ноты – репликами сказанное всем бэндом. Но так, что тихий голос ее саксофона очень хорошо слышен и чертовски приятен всем собравшимся, включая музыкантов. Магда заполняла какую-то пустоту, делала то, что все остальные музыканты почему-то сделать не могли. Ей улыбались, ей махали из-за столиков рукой. Я наблюдала за Лимом с удовольствием. Потому что Лим, не отрываясь от своего (презираемого Магдой) кларнета и посматривая в зал, довольно быстро понял, что нечто происходит, и оно очень всем нравится.

Па-па-пам, говорят трубы, уа-уа, отвечает им саксофон Магды. «Sunday!» – весело ревет бэнд.

Sunday – когда ты сидишь за столом и танцуешь на цыпочках, и стучишь пальцами по стаканам, и отбиваешь дробь ножом и вилкой. Ножки в шелковых чулках сами дергаются чуть вверх и чуть вбок, каблучки постукивают о дерево пола.

И зал, наконец, взорвался от восторга. «Лим Гранд Шанхай бэнд» не обманул ожиданий. Я рассматривала аккуратные головки дам, блестящие в них жемчужные нити и цветы, прямые проборы мужчин, отблеск круглых очков. Мирно улыбающийся Стайн, бесстрастный Тамби, счастливый Биланкин, другие – Элистера так пока и не было – а Лим кланялся и одновременно щелкал пальцами в воздухе своему бэнду: без пауз, вперед!

А еще он бросил взгляд в сторону Магды, дернул вперед-назад головой: пришло время обещанного «Тутанхамона».

А это не такая простая вещь, тут другой ритм – тяжкий, топочущий, для шаркающей походки, – но Лим повелел сделать этот ритм простым и четким, а затем бросил свой вызов – высокую трель на кларнете.

«Руа-а-а!» – отозвался хриплым басом саксофон Магды, и несколько секунд они с упоением пытались перепеть друг друга, а за столами народ восхищенно жмурил глаза. Ударник четко отбивал синкопы, темноликий китаец с дико выпученными глазами выкрикивал свое «тут-тут-тут», а Магда, наконец, смягчилась и хрипом саксофона как бы вежливо поддержала нежные трели Лима под локоть.

А потом, когда лоб Лима влажно заблестел, Магда, сразу с двумя саксофонами, не переставая попеременно играть на обоих, выдвинулась на угол эстрады – и попросту пошла по ней наискосок, чуть наклонившись, отставив зад и выписывая свои «руа-па-па-па, ква-а-а-а!».

Не то чтобы юбка ее чрезмерно обтягивала, не то чтобы она как-то особо безобразно вихляла бедрами – но в этот миг весь зал, затаив дыхание, не сводил глаз с обсыпанного блестками раскачивающегося зада Магды.

И стало абсолютно ясно, что дальше – полный успех, сейчас собравшиеся будут танцевать до дырок в досках пола. Фокстрот и квикстеп, потом уан-степ и еще вальс.

Так и произошло.

С блеском прошел и фирменный номер, которым славилось кабаре, что бы ни происходило на его сцене. А именно – капитанский марш.

Наше кабаре было единственным, которое посылало объявления о своих танцевальных вечерах телеграфом на лайнеры. Включая знаменитую фразу «вы можете привести с собой детей» и указание на то, что от входа в «Элизе», налево и наискосок, вы увидите гордые гипсовые вазоны над фасадом «Истерн энд Ориентл»: «вам не понадобится рикша, чтобы добраться до отеля». В общем, «лучшее место для танцев в городе».

И капитаны многих судов хорошо знали, что в нашем кабаре по предъявлении телеграммы на капитанском бланке их ждет бесплатный билет на вход и «капитанский столик». А также еще кое-что, пустяк, но пустяк очень дорогой их соленым душам.

И они своего дождались. Вот после перерыва начали – уже без прежней упругости походки – собираться к стульям музыканты. И Лим с его бесстрастным патрицианским лицом вытянулся по стойке «смирно» у края эстрады, почти падая в зал – лакированные носки его штиблетов нависали над краем ее на целых два дюйма.

– По доброй традиции «Элизе», – зазвучал его баритон на отличном английском, – мы приветствуем сегодня капитанов зашедших в наш порт судов. Добро пожаловать тем, кому доверяют свои жизни пассажиры, кто через волны океанов приводит корабли в этот порт!

Люди за капитанским столиком – пусть там сидели необязательно сами капитаны, а другие уважаемые члены команд – вытянулись и заулыбались. А Лим, так и стоя спиной к оркестру, несколько раз поднял и опустил кулак в четком ритме.

И мелкой дробью загремел барабан, и взревела медь: маршем, быстрым маршем под звон колокольчиков и басовитые хрипы тубы.

– Если они не американцы, то вряд ли знают, какие тут положено петь слова, – сказала мне накануне Магда. – Ах, какие слова: за деревья! За богов! За повелителей людей и судеб! Это должен был написать исключительно англичанин – хозяин и победитель половины мира. А на самом деле – всего-навсего студенческая песня, написал рыжий американский нахал из Йейла. Тот, что сообщил нам в прошлом году, что жизнь – это всего лишь миска черешни. Ну, который еще придумал новшество – петь в мегафон, чтобы его не заглушал оркестр. Руди Вэлли, если это его настоящее имя.

Целая толпа образовалась у столиков счастливых капитанов – те стоя принимали комплименты и чокались, а наши ребята в лазоревых мундирчиках потащили по залу целые подносы свежих напитков, к вящей выгоде кабаре. Тут оркестр Лима, чтобы дать официантам время сделать свое дело, грянул новый, уже совсем воинственный марш того же рыжего нахала из Йейла, посвященный на самом-то деле вовсе не морякам, капитанам, победителям и героям, а – если я расслышала правильно – некоей голубоглазой Бетти Коэн из Корнеллского университета…

И снова начались танцы.

А я была безутешна.

Потому что Элистер, как и его друг Корки, не появлялись. Более того, в разгар вечера, смущенно выставив перед собой ладошку, в зал пробрался скромный малайский констебль, дошел до столика Лайонелла и Тамби, пробормотал им что-то на ухо. Когда я взглянула туда в следующий раз, я увидела, что столик их пуст. Да и редактор Биланкин куда-то девался.

Ну и черт с ней, со всей вашей полицией и прессой, сказала я себе.

И с мрачностью маньяка, под элегантные аккорды меди, я одиноко сидела за своим столиком и перебирала в памяти разговор, который состоялся всего лишь сегодня днем и вроде бы шел так хорошо.

– Амалия, но вы же не думаете, что я восприму всерьез весь этот бред насчет португальцев как евразийцев. Посмотрите на себя – в любой стране Европы вы были бы экзотическим созданием со средиземноморским оттенком кожи, и только. Вы похожи…

– Да, да, скажите, Элистер, на кого же я похожа?

– Ну, вообще-то вы похожи на птицу, Амалия, небольшую райскую птицу, хотя я не видел птиц с маленькой упрямой нижней губой. А ваш акцент английского – я, к сожалению, сам не могу похвастаться подобным. У меня он, видимо, тамильский… У вас – хотя и не акцент высшего класса общества, но что-то вроде кембриджского.

– Еще бы ему таким не быть, если он как раз из Кембриджа!

И тут я взглянула на лицо Элистера и увидела на нем то самое выражение, с которым он попытался накануне взять в руку палочки для еды.

– Дорогой Элистер, вы, значит, не закончили Кембридж? Вы – незамысловатый и неграмотный служащий полиции с тамильским акцентом и дипломом… каким?

– Калькуттский университет, – сказал он, в очередной раз становясь очень скромным. – Я не только закончил его – я преподаю там… преподавал. И когда это делал, то видел каждую неделю Рабиндраната Тагора. Кто-то говорит, что величайший из индийцев – это Ганди, но мне кажется, что все же Тагор. Не говоря о том, что не так плохо работать рядом с нобелевским лауреатом.

– Стоп, не уводите разговор в сторону, – не ослабляла напора я, потому что в голову мне закралась ужасная мысль. – Элистер, скажите мне, а сколько раз вы вообще были в Англии?

– Четыре раза, – меланхолично отозвался он, потом вскинул голову и устремил на меня взгляд смеющихся глаз. И я поняла, что стесняться меня – или кого-то еще – он не будет никогда.

– Из них, видимо, три раза с родителями в детстве… То есть я провела в вашей стране больше времени, чем вы… Ой-ой, что мне делать – я, оказывается,

слишком образованная девушка для того, чтобы вы пригласили меня вечером хотя бы на один танец. Или для того, чтобы я могла принять сейчас ваше приглашение на тиффин, он же ланч.

– Только не о еде, дорогая Амалия! – вскинул он руку. – Вы о ней говорите так, что две фразы – и я чувствую, что сейчас кого-то загрызу. Неужели нельзя молча принять это самое мое приглашение, которое я еще не делал, и молча показать мне, куда именно я вас приглашаю? Пусть это будут ваши несравненные китайцы, я согласен, только не надо этих разговоров – давайте просто выйдем на улицу, и…

– Да я и не планировала никакого обжорства, мы ведь с вами сидим в моем кабаре, и когда я здесь, то мне иногда приносят скромную, но очень неплохую еду из одного ресторанчика напротив. И поскольку вы хотя и неправильный англичанин, но все же англичанин, мы можем съесть что-то английское или в этом роде. Например, оу шьен.

– Подождите, Амалия, мне кажется, что это какое-то животное, причем я не уверен, что его вообще едят. Это… коза? Или как там она называется по-французски?

– Элистер, – в ужасе приложила я пальцы к вискам, – вы совсем неправильный англичанин. Правильный немедленно сделал бы презрительное выражение лица и сказал бы что-то вроде «ком си ком са», «эт ву сюр» или «ком ву вуле», с непередаваемым акцентом. Только так можно показать, что вы одновременно и знаете низкое лягушачье наречие, и не испытываете к нему никакого почтения. А вы считаете, что с вашими индийскими языками вы можете ничего подобного из себя не строить!

– Только не говорите, что ваш французский акцент – из Сорбонны, – заметил он, с интересом рассматривая мой птичий профиль.

– Э, – сказала я голосом Элистера, признающегося, что он как раз в полиции и работает. И убито уставилась в свой рабочий стол, заваленный счетами.

– Что-о? Так все-таки Кембридж или Сорбонна? – полицейским голосом осведомился он после паузы.

– Э, – повторила я. – И то, и другое.

– Оу, шьен!

– Ах, вы таки знаете, что это слово означает на французском… И даже умеете на этом языке ругаться…

– Знаю достаточно, чтобы постепенно вспомнить, что это слово означает скорее собаку, чем козу или чем кошку. Хорошо, как ругательство оно годится, но надо ли это есть, что бы оно ни было?

Тут мы сделали небольшую паузу на хихиканье.

– Оу шьен – это на кантонском, а может, на хоккьенском, – призналась, наконец, я. – Это омлет с устрицами. Сначала на донышке вока быстро поджаривается… оу, шьен, нет, вы же сейчас начнете кого-нибудь грызть, а так как здесь, кроме меня, никого нет… В общем, мы это съедим, с парой дополнительных пустяков, буквально через пять минут.

Я нажала на кнопку электрического звонка, главный бой кабаре мгновенно появился, принял заказ и побежал через улицу, в пятифутовую тень сзади белой колоннады. Пять футов – таково обязательное расстояние между стеной и колоннами, держащими на себе второй этаж домов, и эта указанная чуть не самим Фрэнсисом Лайтом, создателем города, дистанция свято соблюдается уже более столетия. В пятифутовой тени скрывается все живое после полудня, и вдобавок от солнца этот проход защищают бамбуковые жалюзи от тротуара до верха, в которых прорезаны вертикальные фигуры в виде человека – только через эти прорези удается шагнуть в прохладную тьму от беспощадных лучей.

– Кембридж и Сорбонна… Вы богатая девушка, Амалия?

– Далеко не так богата, как некто Чеонг, который приехал к нам в Кембридж вместе с личным репетитором и мебелью розового дерева. Мебель и репетитор еще были только у одного студента – но тот хотя бы настоящий принц, имя что-то вроде Хирохито. Нет, серьезно, Элистер, – куда же бедной трудолюбивой евразийской девушке без хорошего образования? Как бы я иначе делала самое важное дело в этом кабаре – считала бы его деньги? И поскольку я занимаю тут столь важную должность, то могу себе позволить выкроить для вас с Корки два

приглашения. Сюда, конечно, не входят напитки, но согласитесь, что это уже кое-что… Учтите: здесь нет даже такси-девушек, с которыми танцуют за деньги. Респектабельное место для истинного британца. Здесь вы бестрепетно можете пригласить скромную девушку на маленький фокстрот. Вы знаете, о какой девушке я говорю?

А Элистер смотрел на меня чуть сбоку и странно, и – я бы сказала – немного грустно.

– Какой девушке? – повторил он. – А вот это интересный вопрос. Я сейчас как раз задумался обо всей глупости, которая происходит вокруг нашего десанта из Калькутты.

– Этого полицейского чина, если я правильно понимаю, так и не могут найти?

– Не могут… Он один из двух заместителей главы пенангской полиции, между прочим, а его, видите ли, не могут найти… Так вот, кажется, дорогая Амалия, у меня появился хотя бы один ответ на множество вопросов. Эта рекомендация, которую я вам привез, – а случайно ли мне ее дали? Ваше удивительное лицо и странная биография, эти блестящие английский и французский, не говоря уже о прочих непроизносимых диалектах… Детальное знание города – и всей Малайи, наверное… Вы просто слишком хороши и умны, чтобы быть тем, за кого себя выдаете. Может быть, здесь разгадка всего, что происходит? Может быть, я на самом деле ехал вовсе не только к… И, может быть, вы тоже сидите сейчас в том же положении – не знаете, куда девался тот, на которого вы работаете на самом деле? Либо же картина еще сложнее…

Что такое? Я слишком умна и хороша, чтобы не быть тайным агентом? Вот это комплимент.

«Он шпион, твой молодой человек», – в очередной раз произнес у меня в ухе низкий голос Магды. Отлично, а вот теперь этот шпион подозревает меня в том же самом. Амалия де Соза как вторая Мата Хари. Шьен, и еще раз шьен! Или – не такой уж шьен, а, наоборот, новый и отличный повод повеселиться?

– Так, – сказала я металлическим голосом. – Довольно об этом. Субинспектор Макларен, вы приходите вечером в это кабаре, вместе с Корки или без, и мы танцуем, как обычные люди. Будем надеяться, что далее хотя бы часть

недоразумений разрешится.

– Есть, – ответил он, с горящими глазами.

Это означало, что я угадала его звание. Ну, теперь уже точно бесполезно объяснять ему, что он ошибся насчет меня.

Но вот отгремели последние аккорды, вот ушли с эстрады шанхайские гении во главе с Лимом, в своих насквозь промокших пиджаках, вот под руки повели к выходу англичанина, которого ждали сны об ангелах, обшитых неуязвимой сталью.

Вот Магда с ужасным размазанным гримом вокруг глаз зевнула, как гиена, и тронулась к выходу нетвердой походкой, неся два футляра с саксофонами, а младший бой понесся вызывать для нее рикшу. Откуда-то из темного угла выполз Тони – взблеск очков, бородка – взял у Магды из рук футляры и довольно уверенным шагом повел ее на воздух, к мошкаре, белыми хлопьями мельтешащей в свете огоньков вокруг входа.

И вечер превратился в грустную ночь, сквозь которую я понуро тронулась домой на велосипеде, заколов предварительно английской булавкой подол своего бесполезного шелкового платья: переодеваться не было сил.

Проснулась я, конечно, в ужасном состоянии, и его лишь ненамного улучшила Мартина, сообщившая, что звонил вежливый молодой человек, приносил извинения, обещал позвонить попозже в кабаре и выражал уверенность, что причина его неявки мне хорошо известна, раз уж о ней даже написали в газетах.

О чем написали, какие еще газеты?

Я позволила Афонсо и Чану приземлиться непосредственно на столике и стащить чуть не половину моего завтрака и тихонько, чтобы не спугнуть их, развернула «Стрейтс Эхо».

Эта новость была все-таки на первой полосе. Хотя и тут, как и в случае с убитым у Змеиного храма, репортеры проявили редкую сдержанность.

Но сложно говорить о сдержанности, когда речь о смерти «англичанина средних лет». Одно дело, если в Стрейтс-Сеттлментс убьют пару китайцев, тамилов или бенгальцев, хотя, повторю, в жизни и такое происходило чрезвычайно редко. Но мертвый англичанин?

Чье тело «в стадии продвинутого разложения» было обнаружено в каменном карьере на полпути между Алор Старом и Баттеруортом с признаками быстрой насильственной смерти «при необычных обстоятельствах»? Это не просто событие – это серьезное событие.

Имени этого человека не называлось – «полиция Пенанга должна провести еще окончательное опознание», но мне этого и не требовалось.

Я уже знала, что наконец нашелся человек, к которому приехал Элистер и весь прочий полицейский десант из Калькутты.

4. Разжалованная из птиц

Только два человека знают об этой истории действительно все, от начала до конца, и это – включая меня.

Остальные посвященные (их тоже весьма немного) знают куда меньше, и по этой причине они склонны думать, что именно в тот день – который стартовал с невнятного, но очень тревожного газетного сообщения – мною было начато расследование, полное опасностей, погонь и прочих острых удовольствий.

На самом деле все было абсолютно не так.

Это был медленный-медленный и ленивый день.

Утром которого я мысленно прощалась с Элистером. Потому что какая бы секретная операция – или учебная игра – с участием полицейских из Калькутты в нашем городе ни планировалась, она, похоже, сорвалась. Правда, утром у меня еще не было твердых доказательств, что погиб именно тот самый, ключевой для этой истории человек, но уж слишком тут все было логичным и очевидным: он

ждал гостей, потом пропал, его искали – и вот, к сожалению, нашли. И теперь Элистера и прочих первым же кораблем отошлют домой. Может быть, именно этим сейчас и занимаются. Смотрят расписание судов, например. Которое и без того всем известно – в Калькутту ходят «Кумсанг» и «Бенгал Мару» из Сингапура, с заходом в Рангун, или «Раджула» и «Таламба» – напрямую на северо-запад через Бенгальский залив, без всяких заходов.

Вот на одном из них калькуттцы и отправятся обратно.

И все это было обидно и досадно. Но не более того.

Вспомним: к тому моменту я виделась с Элистером Маклареном, полицейским (ну, пусть все-таки шпионом) из Калькутты, всего трижды, и даже ни разу с ним не танцевала. Находила его очаровательным молодым джентльменом, весьма экзотичным для его нации. При всей его экзотичности хорошо знала, что влюбляться в англичанина – глупая и неприятная идея, поскольку она сопряжена с массой раздражающих обстоятельств. Например, когда на упругом газоне лучшего в городе отеля «Истерн энд Ориентл» китайские официанты видят собрата-китайца или индийца, то они начинают протирать глаза от изумления. Португальская девушка, проходящая по категории «евразийцев», – более сложный случай, но случай для меня все равно нелучший: масса моих знакомых, например, решила бы меня именно в этом отеле не заметить и со мной не разговаривать. Просто на всякий случай. Для общения поверх расовых барьеров в городе достаточно других мест.

Но, так или иначе, тогда я и не думала о каких-либо влюбленностях. Потому что мужчина, в которого влюбляешься, должен быть загадкой. Элистер же не был загадочен ни в коей мере, он был… как ни странно, свой. С ним я не впадала в возбужденное состояние тигрицы на охоте – наоборот, расслаблялась. С Элистером хотелось смеяться и говорить, говорить, говорить – и, чем больше говоришь, тем больше хочется. И только. Но раз это не удается – что ж, fadu, судьба.

Именно эти слова я мысленно произносила в то утро. Произносила снова и снова. И, повторю, никаких замыслов начинать что-то похожее на расследование у меня не было.

Прежде всего, к тому моменту произошла лишь малая часть всех событий, и почти нечего еще было расследовать.

Далее, было очевидно, что меня все эти события если касались, то исключительно случайно. Ну, я видела даже не само убийство полицейского осведомителя, а лишь его труп. И убит он был таким способом, что это отбивало всякую охоту интересоваться этой историей дальше. А через день я прочитала в газете про другое убийство – британца-полицейского, но к тому моменту не знала даже его имени.

Убили этого человека там, за проливом, где в бледной голубизне, очень высоко над горизонтом, прорисована четкая, как грозовые облака, линия гор Кедаха. У подножья этих гор находится упомянутый в газетном сообщении портовый городок Баттеруорт – он там, куда от пристани на нашей Чёрч-стрит идут паромы, распуская водяные усы. От городка до Алор-Стара, столицы султаната Кедах, даже на хорошем автомобиле дороги часа три. В некоей точке между Баттеруортом и Алор-Старом, сообщала газета, нашли труп человека. Из газетного сообщения следовало, что смерть наступила не вчера. А возможно даже, еще до приезда Элистера, Корки и других. И при чем тут была я? Кроме того, конечно, факта, что убийство помешало мне потанцевать с Элистером в нашем кабаре.

Правда, именно в то, кажется, утро мне пришла в голову вполне логичная мысль: ну хорошо, я тут ни при чем, но вот Элистер… человек, который провел в городе Джорджтауне (остров Пенанг, колония его величества Стрейтс-Сеттлментс, Британская Малайя) всего три дня… И за это время произошло два убийства, к которым он-то как раз имел некоторое отношение. Оба касались полиции, в которой он служит, первое произошло в нескольких ярдах от того места, где Элистер находился, а жертвой второго убийства был человек, к которому Элистер был послан. Хм.

Сегодня может показаться, что в то утро я ощутила – опасность где-то очень близко, хотя не от меня, а скорее от Элистера.

Но и это не так; кажется, я тогда лишь подумала, что он теперь уедет – и, значит, ни про какую опасность даже не узнает.

И, повторю в очередной раз, ни малейших мыслей о том, чтобы самой браться за расследование, у меня не было.

Я никогда в жизни не вела расследований. Для этого в городе и на острове было множество других людей. Констебли – бородатые сикхи в их белых чалмах с красными полосками, гимнастерках цвета хаки, подпоясанных ремнем. И констебли – малайцы, предпочитавшие белые униформы, эти – числом поменьше и не настолько эффектной внешности. Но все с длинными дубинками и в здоровенных шнурованных ботинках. Констебли принимали от доброжелателей стаканчики чая и даже «чайные деньги», но в целом были надежны и эффективны.

И над ними инспекторы разных рангов – по большей части, понятно, англичане, как Лайонелл Стайн, в уникальных случаях индийцы (неважно, какой веры – сикхской, магометанской, индусской или христианской, как мой друг Тамби Джошуа). Был еще начальник полиции, имени которого я не помнила, хотя смутно представляла себе его желтоватые усы валиком, с закрученными кончиками.

Я хорошо знала штаб-квартиру полиции, выходящую на Лайт-стрит и одновременно открывающую собой главную улицу города – Бич-стрит. Розовый комплекс зданий, веранды и колоннады, портики, масса деревьев и несуразно большая толпа народу во дворе в любое время.

Было понятно, что просителей в этом дворе сегодня еще больше, но полиции не до них, потому что все здание гудит сейчас от бешеной активности людей, расследующих чрезвычайный случай – убийство англичанина, тем более полицейского.

Представить себе, что можно работать более грамотно, чем все это множество людей, я тогда не могла.

Мои университетские дипломы сообщают всем желающим, что я – бакалавр (а далее еще и магистр) искусств, что бы это ни значило. Разбираться в финансах кабаре для бакалавра искусств – более подходящее дело, чем детективная работа.

Наконец, после длинного, полного радостей и разочарований вчерашнего дня мне попросту хотелось спать.

Поэтому я поехала в кабаре, проверить счета, а потом прилечь на диванчике.

Спала я, наверное, полчаса (хотя и это было неплохо), а дальше меня разбудили доносившиеся снизу звуки: в пустом зале, между толстых колонн и поднятых ножками вверх на столы стульев, Тони играл на большом белом рояле рэгтайм, пам-пам-пам-пам-пам-пам-па, и так далее.

Делал он это довольно паршиво, но вообще-то очень трудно сказать, что он в этой жизни умеет делать хорошо, кроме того, что поджидает Магду после выступлений.

Хотя нет, какую-то пользу он иногда приносит, и это связано опять же с Магдой.

Магда, штатный музыкант нашего кабаре, постоянно занята тем, что ищет себе партнеров и создает с ними маленькие временные бэнды. Из филиппинцев, каждый день играющих на Эспланаде, из музыкантов «Истерна и Ориентла», «Раннимеда» или частных бэндов из особняков на Нортхэм-роуд. То есть, попросту, ворует людей. Но иногда люди не воровались, и Магда оставалась со своим саксофоном в одиночестве.

Эту проблему она превратила в преимущество «Элизе». Потому что после половины одиннадцатого вечера все рестораны в европейских отелях уже закрываются, танцы заканчиваются около полуночи. И чуть ли не единственный клуб у моря, в центре города, где можно ночью съесть что-то небольшое (например, чисто китайское блюдо под английским названием «чикен чоп» – куриная котлета), – это наше кабаре. А на сцене его в это время звучит грустный тихий голос саксофона Магды.

Послушать эту ночную музыку, уже без каких-либо танцев, приходят очень многие. Тони же в таких случаях просто летаргически перебирает клавиши, не очень искусно, молча шевеля бледными губами, но Магда умело подстраивается под эти звуки. И в целом все получается очень трогательно.

Впрочем, нет, – кое-что Тони умеет делать просто отлично.

А именно – играть «Трех поросят».

Он делает это не просто с азартом, а с каким-то веселым остервенением, ритмично поблескивая стеклышками пенсне, помогая себе движениями подбородка с неопрятными седоватыми клочьями бородки. При этом на лице его расплывается нехорошая, если не сказать – подлая улыбка, как будто он знает про своих случайных слушателей какие-то очень грязные секреты, связанные, например, с ненатуральной склонностью к животным.

Вдобавок «Три поросенка» – вещь особая, из тех, что почти невозможно прекратить играть, если только тебя не ударят тяжелым предметом по голове. Многие из нас не раз испытывали желание именно это и сделать, хотя надо признать, что этому своему музыкальному пороку Тони предается чрезвычайно редко, и только при очень хорошем настроении.

Я вздохнула и пошевелилась на своем диване, прислушалась к рэгтайму внизу. Сделала вывод, что сегодня у Тони тоже все в порядке, и еще – что Магды, не любящей рэгтаймы, здесь нет. Она в это время, впрочем, почти всегда была в постели («девушке полезно немножко поспать днем»), в своем отеле по имени «Чун Кинг», он же «Чунцин», на Чулиа-стрит. Это большой двухэтажный сарай: плоская крыша, буро-красная вывеска, навес для пары авто. У входа – гордая пара двойных античных колонн. Наверху – деревянная галерея и облупившиеся белые ставни комнат. Абсолютно тихое место с зеленым двориком, заросшим манговыми деревьями, с которых Магда на правах постоянного жителя таскала, когда хотела, желтые, в форме запятой, плоды.

Иной раз, впрочем, ее охватывала жажда новой жизни, и тогда она переезжала в отель классом повыше – «Ен Кенг», на той же улице, древнее двухэтажное английское бунгало, где, как говорят, жил какое-то время сам сэр Стэмфорд Раффлз. Тут черепица китайских ворот вся в бирюзовой глазури, а дворик – по площади еще больше, и тоже с манговыми деревьями.

Но каждый новый переезд для Магды был все более сложным предприятием: кули тащили за ней какое-то несуразное уже количество граммофонных пластинок и, отчаявшись, часто били их как бы случайно, в порядке отмщения.

Итак, в «Элизе» все было как всегда, не то чтобы скучно, но как-то чрезмерно нормально. К этому моменту, надо сказать, я еще не знала ничего нового –

например, привезли ли тело убитого в Джорджтаун или похоронили его там, где обнаружили, а до действительно серьезного развития событий и подавно оставалось двое суток.

Так что я решила: поскольку солнце скрыли милосердные облачка, можно отправиться в город без каких-то особых целей.

Впрочем, сначала я, ведя велосипед за руль, прошла несколько десятков ярдов до очень грустного места, которое располагалось буквально на заднем дворе «Элизе». Туда, где солнечные лучи никогда не проникали к позеленевшим камням среди стволов и ветвей, облепленных белым лишайником.

Здесь лежат первые из создававших город – давно, в эпоху молодых Бонапарта, Нельсона и лорда Байрона. Закрыто было маленькое кладбище еще 34 года назад, в 1895 году, и с тех пор оно как-то незаметно оказалось в самом центре города. Но трогать этот сад древних магнолий и эти камни, конечно, никто и не пытался.

Я прошла по толстым, будто лакированным побуревшим листьям в дальний левый угол, туда, где на холмике высился тяжелый камень с великим для этого города именем – Фрэнсис Лайт. Но свернула к другому, соседнему надгробию пористого серого камня, имя на котором не мог бы сегодня вспомнить никто.

«Sacred to the cherished memory of Helen Mary Kerr (далее слово стерлось), spinster who departed this life on the 4 Febr. 1828 aged 21 years and…» – и дальше не разобрать.

Прошел сто один год, я не знаю, как ты здесь оказалась, девица Керр, зачем приехала, какой ты была, и сегодня я старше тебя на целых восемь лет, сказала я имени на камне. И я не «девица». А кто? Вот вам интересная загадка, субинспектор Макларен: не девица, не замужем, не вдова и не разведена. И не говорите, что я «юная леди с прошлым», – это неточный, хотя верный ответ. Жаль, что вы уезжаете и не сумеете при случае назвать отгадку.

Я вздохнула, отогнала комаров, поющих песенку о малярии, – на этом кладбище они какие-то странные, громадных размеров и чрезвычайно злобные. И двинулась, через Лайт-стрит, в потоке других велосипедов, рикш и редких «фордов», среди белых костюмов, вьющихся шарфов, тюрбанов и пробковых

солнечных шлемов-тупи. Поехала на Эспланаду – громадный газон, отделяющий море от череды гордых британских зданий с классическими греческими колоннадами. Здесь – зеленое сердце города, а по четырем сторонам этого прямоугольника – белая балюстрада у воды, Городской зал, замшелые низкие бастионы Форта Корнуоллиса, строгое великолепие Даунинг-стрит (те самые колоннады). И деревья, везде деревья – громадные, выше портиков и крыш, с густой листвой, цветами и бородами лиан.

Послушала веселый Tiger Rag, который скучно играл филиппинский бэнд в центре Эспланады, прячась от солнца под конической крышей чугунной беседки. Постояла у мавританской Башни Виктории, часы на которой отсчитывали мгновения моего последнего спокойного дня.

Заехала в порт, на пристань Суиттенхэма, посмотрела на маячивший в дрожащей дали тупой обрубок – японский крейсер, почти без надстроек, с двумя несуразно большими орудиями на носу. И – ближе – на пришвартованную к Суиттенхэму посудину с бортом, обросшим пронзительно-ядовитой зеленью водорослей и еще ракушками, торчащими, как обломки зубов. С этого судна по гремящему металлом трапу на асфальт пристани шел нескончаемый поток китайцев, с коричневыми неподвижными лицами и испуганными глазами. Один неуверенно улыбнулся мне, другой в восторге начал рассматривать мои ноги в кремовых чулках и споткнулся. Отсюда им была прямая дорога в Иммиграцию – «Мау ва кун», «место, где задают вопросы» – и далее на оловянные шахты, стройки и куда угодно еще.

Дальше… дальше в тот день я повернула велосипед в расщелину между колоннадами Даунинг-стрит и тронулась к великолепию главной улицы, Бич-стрит, обогнав низкую калошу маленького троллейбуса у здания Гонконг-шанхайского банка.

На Биче росло постепенно нечто еще более грандиозное, другой банк – «Стандард Чартерд». Трудно в это поверить – но, кажется, в итоге тут будет целых пять этажей, со скошенным вбок фасадом, напоминающим нос линкора. Впрочем, в наши дни, когда деньги растут на деревьях, олово стоит чуть не 300 фунтов за тонну, строят везде – город стучит молотками и скрипит канатами. По всему Бичу пахнет известкой и деревом, старые двухэтажные здания обрастают бамбуковыми лесами: лакированные жердины связаны в суставах канатами, будто бинтами.

Нет ничего более европейского, чем эти яростно перестраивающиеся сейчас по всему городу китайские кварталы: год назад тут был двухэтажный домик из дерева, замазанного штукатуркой, сейчас – то же самое, но из кирпича. Вот из-под бамбуковых лесов выглядывает целый блок прилепленных друг к другу новых двухэтажных домов. Все вместе – как кремовый торт: белая штукатурка, по ней – свежее гипсовое рококо из раскрашенных цветов, непременно античные колонны и фронтоны, и обязательно – похожие на стиральные доски ставни на втором этаже. А под самой крышей опять гипсовые медальоны с выдавленными в них фамильными иероглифами хозяина. Индиго, цвет стен прошлой эпохи, стремительно меняется у нас в Джорджтауне на новомодную бледную бирюзу всех оттенков, тогда как в Малакке стены почему-то становятся сегодня нежно-розовыми, а в Сингапуре – желтовато-лимонными.

Я продралась сквозь многоцветную толпу, говорящую минимум на десяти языках, и это не считая английского. Остановилась у витрин Логана, под вывесками «пианино Робинсона» и «Коламбиа графонолаз». Посмотрела, как в начищенном до неземного сияния латунном поручне отражается рикша со складчатой крышей, тянущий ее китаец, я в белой шляпке, колонны дома напротив, а в общем – скрученный в трубочку – весь мир.

Зашла в торжественные залы Логана, выслушала «госпожа Амалия, вот это я отложил для вас, совсем новый талант, из Америки, зовут Росс Коломбо – послушайте тихим вечером». Положила, выйдя на улицу, две тяжелые пластинки в велосипедную корзинку. И свернула с Бича в переулок справа, где мир становится, если такое можно себе представить, еще более китайским.

Лавки: счеты, весы и увесистый телефон, вот тут продается что-то ядовитое из аптечной серии – jaga powder, belachan, chinshalok. Везде – масло мускатного ореха и персика в запыленных бутылочках. Дальше – магазин с десятками птиц в клетках.

Море качающихся черных голов, шлепанье босых ног и стук деревянных сандалий. Шарканье каучуковых подметок, изготовленных из стершихся автошин (шнурок между большим и указательным пальцами с желтым ороговевшим ногтем размочален и вот-вот порвется). Звоночки: везут мороженое. Запахи: горят сандаловые опилки, пахнет нефтью керосин горелок, а тут еще лошадки с их ароматами, и редко – проползающие среди толпы авто, едко и черно дымящие.

И еще запах: одеколон парикмахера, работающего перед зеркалом, укрепленным на стене. Полуголый клиент – спиной к уличной жизни, на его укрытые полотенцем плечи ложатся черные кисточки ровно обрезанных влажных волос. В двух шагах – то же самое, но классом выше: перм-парлор в стиле ар-деко, очень заметная часть уличного пейзажа. И почему китаянкам так идет завивка? Я потрогала свою прическу и пошла дальше.

Мимо пахнущих раскаленным маслом и испускающих пар прилавков с надписями: prawn mee, Assam laksa. Вот пирамида зеленых шаров – свежие кокосы, каждый – уже с обструганным белым монблановым верхом.

И дальше, завороженная, я остановилась у сооружения, которого в детстве страшно боялась.

Это настоящий станок, сбоку – тяжелое чугунное колесо, рядом второе поменьше, сверху жестяной кожух-крышка – под ним скрываются два мощных металлических валика, не дай бог между ними попадет палец, эту боль нельзя даже представить. Но китаец в темных шортах до колен и белой майке ничего не боится, он берет бледно-зеленые, похожие на молодой бамбук, длиной в пол-ярда, побеги сахарного тростника, загоняет их под кожух, между валиков. Поворачивает колесо – валики крутятся, и между ними течет густой липкий сахарный сок. Сока не пропадает ни капли, он выливается через жестяной клювик в стаканы со льдом, а несчастные побеги выползают с другой стороны валиков, измочаленные в мелкую сухую дранку.

Тут я все, наконец, поняла и уселась за ближайший столик. И поскольку Элистера рядом не было, то устроила себе такой ланч, что настоящий англичанин содрогнулся бы и отошел. Все вместе это называется лок-лок. Тонкие щепочки, на которых нанизаны кусочками всякие радости жизни типа куриных гребешков, печени, почек, кишок или, скажем, улитки. Или в другом жанре – рыбные шарики, сушеная медуза, мелкая рыбешка. Все это можно самостоятельно макать в кипяток или горячее масло, а потом в красный острый соус либо в сладкий или соленый соевый соус.

Дальше радости жизни кончились, я со своим велосипедом вернулась на Бич-стрит и оказалась, как мне и следовало, у подъезда мощного четырехэтажного здания с ротондой на крыше: редакция «Стрейтс Эхо». Здоровенная комната с побеленными стенами, рядами «империалов» с белыми круглыми клавишами, беготней; кабинеты великих людей вдоль коридора.

– Тео, – сказала я возвышавшемуся на длинноногой табуретке человеку по имени Теофилиус Уильямс, собрату-евразийцу с корнями откуда-то из Голландской Индии. – Тео, твой начальник появился на премьере и сбежал. А тебя и вообще не было. Я не верила своим глазам. Ну, вот тебе еще один пригласительный билет. С женой. И вот тут вторая моя подпись: по два напитка на каждого. Ну, пожалуйста, Тео, приходите вдвоем и потанцуйте. Как же мы без вас?

Теофилиус, подозревала я, мог бы и сам выступать в каком-нибудь нашем ревю, поскольку он говорил на тамильском, английском, малайском, кантонском и хоккьенском: человек-оркестр.

Я изготовилась клянчить у него три-четыре из пачки книг, пылившихся на столе: лондонские новинки, присланные на разгром критикам. После разгрома книги эти все равно валялись тут зря. А еще надо было узнать, что нового на лондонской сцене, действительно ли восходящая звезда драматургии – Ван Друтен – затмила даже Ноэля Кауарда и Уильяма Эшендена. Далее, я сама выписывала на дом еженедельные «Спектэйтор» и «Нэйшн», но в редакции пропадали впустую еще и «Truth» (что за нахальство – назвать журнал словом «Правда»), и «Нью Стейтсмен»…

– Так, вот она, – сказал Тео.

Тут в моих руках оказался магический предмет: мокрый прямоугольник бумаги с двумя колонками пачкающегося шрифта. Гранка. Конечно, магия – я же видела сейчас то, что все остальные прочтут только завтра, но не в виде отдельных гранок, а все вместе на шершавой газетной бумаге. А может, еще и не прочтут, если кому-то тут, в этом здании, не понравится какая-то гранка.

После первых же строчек моя физиономия начала расплываться в улыбке, а потом я замурлыкала «ля-ля-ля».

– У твоего репортера хороший вкус на музыку, – сказала я, наконец, Тео. – Одна ошибка, если это важно: наша Магда говорит про себя: «Я, вообще-то, скорее голландка». А ее друг Тони в таких случаях отзывается: «А я скорее американец». Хотя можно оставить и так, последние перед Азией лет двадцать своей жизни она точно провела в Америке…

– Да, – сказал Тео, – да, конечно… Сейчас. Вот, сделано. Амалия, я хотел тебя спросить. Ты здорово удивила меня вчера. И Эллиса, главу нашей репортерской службы. Как это случилось, что ты заранее знала о смерти этого человека? Кем надо быть, чтобы знать об убийстве полицейского чина раньше, чем об этом узнала сама полиция? А, Амалия?

– Тео, Тео – все так просто, я узнала от самой полиции, что его ищут. Не больше. Его действительно нашли в каменоломне – там, где вы написали?

Тео мрачно кивнул.

– А как его звали, кто он был по должности? – задала следующий вопрос я. – Видишь, вот этого я не знала.

– Он? Уайтмен, Джеймс Уайтмен, сорок два года. Заведующий архивом, – странным голосом сказал Тео.

Наши глаза встретились, и я кивнула. Очень интересный глава архива, путешествующий по каменоломням султаната Кедах. Он искал там, среди камней, потерявшиеся архивные записи вердиктов коронера за прошлый год? Не говоря об имени – анонимнее бывает только Джонсон и Джексон. В общем, специальное отделение полиции.

Значит, Элистер Макларен и точно шпион, родился в моей голове неопровержимый вывод.

Чтобы скрыть смущение, я взяла со стола еще одну гранку, с крупным шрифтом. Передовая, конечно, которую писал, как и было положено по должности, лично Джордж Биланкин.

Хм, так у нас же завтра некая дата – 12 августа. День, когда Фрэнсис Лайт впервые поднял британский флаг над этим – заросшим тогда глухим лесом – островом, принадлежавшим до того момента султану Кедаха. Дата не очень круглая, 143 года назад, но все же хороший повод сказать несколько умных слов. Например: «При той разности рас, которые привлекала страна, возможно, это был счастливый случай, что именно Британия, а не другая держава, всадила в землю свой флагшток в Пенанге, так как никто другой не достиг бы большего в объединении незнакомых друг другу народов, которым надлежало отныне жить

вместе».

– Есть комментарии? – чуть заносчиво поинтересовался голос у меня над ухом.

Я скосила глаз и увидела рядом с собой небольшой животик, на котором лежал неинтересный полосатый галстук. Подняла глаза выше и увидела круглые очки в роговой оправе и улыбку господина Биланкина.

– Комментариев – никаких, – бодро отозвалась я. – Есть совершенно постороннее соображение.

– Немедленно его сюда, ваше соображение, – отозвался главный редактор и устремил на меня сверху взгляд веселых глаз.

– Дело в том, господин Биланкин, – сказала я, – что год назад я участвовала в случайном разговоре насчет памятника Фрэнсису Лайту, которого так до сих пор и нет. А нет его потому, что не сохранилось лица этого человека. Видите ли, штат самого Лайта состоял сначала из одного, потом из пяти человек. Да и вообще европейцев на острове в первый год было всего четырнадцать. Два торговца, владелец таверны, корабельный плотник, э-э-э, как это – смолист, что ли, специалист по парусам, плантатор… Чуть позже, в 1801 году, некий Джон Браун был одновременно провостом, шерифом, тюремщиком, коронером и бейлифом. И это был важный человек, потому что на стройках каторжников из Индии было уже 180. Так вот, каторжники были, но ни одного врача, ни одного инженера – или художника.

Тут Биланкин, молча подвинув себе стул, сел со мной рядом и начал смотреть на меня как-то по-другому.

– И тогда, – продолжала я, – мой собеседник сказал: ну, хорошо, зато сохранились портреты сына великого человека – Уильяма Лайта. И еще бы им не сохраниться, потому что в 1836 году он создал другой город – Аделаиду. Наследственный гений, господин Биланкин. Отец начертил здесь первые четыре улицы – Бич-стрит, Питт-стрит, Чулия-стрит, ну, и Лайт-стрит. А сын, Уильям Лайт, – то был первый генеральный сюрвейер Южной Австралии, и он считается автором дизайна одного из самых хорошо спланированных городов мира. И почему бы, сказал мой собеседник, не взять лицо сына для памятника отцу – ведь какое-то сходство было?

– Великолепно, – перебил Биланкин и, как я понимаю, приготовился просить разрешения использовать эту идею в печати.

– Но тут возникло неожиданное соображение, – задумчиво продолжала я. – Вы слышали такое имя – Розеллс, Мартина Розеллс? Та португалка, с сиамской кровью, которая привела сюда корабли Лайта, принадлежавшие, кстати, калькуттскому торговому дому Журдена Салливэна и, извините, де Соза? У них с Лайтом было четверо детей, включая Уильяма, и неподалеку отсюда сохранился переулок – Мартина-лэйн, домиков в шесть.

Биланкин молчал. И я закончила:

– Так вот, если когда-нибудь здесь будет памятник Лайту, то многие, многие люди будут искать в нем черты Мартины Розеллс. Напишите об этом при случае, господин Биланкин.

Главный редактор поднялся, держа мокрую гранку на руке, как официант салфетку. Моргнул несколько раз, глядя на меня сверху:

– Де Соза. А не де Суза (тут я приготовилась ощериться). Ну, конечно. Простите меня, госпожа де Соза, мне следовало бы вас узнать – это вы главный администратор замечательного кабаре, вечер в котором мне пришлось вчера прервать так неожиданно. Благодарю за приглашение. Это преступление мне все испортило. Но каково же было мое удивление, когда мне сказали, что мои репортеры знали заранее какие-то подробности этого убийства, более того – знали от вас. Это правда? Какое отношение вы имеете к этой истории?

Вот тут я задумалась: а какое, на самом-то деле, я имею отношение к этой истории? Скорее это она как-то упорно старается иметь отношение ко мне.

В общем, не то чтобы я прямо тогда, в редакции, предугадала, сколько раз еще мне будут задавать этот и другие неприятные вопросы. Но, видимо, что-то почувствовала. И ответила с чарующей улыбкой:

– Не большее, чем вы. Вы сидели тогда за столиком со Стайном и Джошуа, и я за пару дней до этого тоже имела приятный разговор с джентльменом из полиции. И решила принести пользу моему старому другу в вашей газете. И только.

– Да-да-да, – задумчиво сказал Биланкин и повторил: – Розеллс, Мартина Розеллс. Чем больше тут работаешь, тем больше понимаешь, что ничего простого в этих краях нет и не будет. Первым уроком для меня было, когда я назвал – просто назвал – имя Ганди в одной из первых своих передовых. И получил от местных индийцев шесть дюжин писем, в которых говорилось, что мне еще многое предстоит узнать в жизни, прежде чем получить моральное право хотя бы упоминать светлое имя Махатмы или, скажем, мыть его ноги. Заметьте, это я еще не критиковал его, а просто написал «Ганди»… Я вас покину, извините.

И с гранкой на руке он двинулся обратно в кабинет. А я, с грузом книг и журналов, – обратно на раскаленную улицу, в многоголовую толпу.

…И только когда стемнело, и птица куай закончила в моем саду свою вечернюю серенаду (куай, куай, куай – все выше тоном), торжествующая Мартина доложила: телефон, сеньора.

– Элистер, даже не думайте, что я настолько глупа, чтобы на вас сердиться. Я все знаю. Кроме одного: вы собираете чемодан?

Пауза, в течение которой я смотрела во тьму сада.

– Послезавтра, на «Таламбе», – ответил он, наконец, и я совершенно не удивилась. – Нас держали на цыпочках весь прошлый вечер и весь сегодняшний день, хотя разговаривать с нами было не о чем. Полный хаос, по коридорам топают озверевшие инспекторы… А в итоге – домой. Жаль. Очень жаль.

– Вы вчера назвали меня птицей, Элистер…

– Исключительно в знак уважения и симпатии…

– Так вот, позвольте проявить птичье любопытство и спросить – факт убийства господина Уайтмена палочками для еды установлен уже официально?

Элистер снова замолчал, а потом усмехнулся:

– Я забыл, кто вы на самом деле… Иначе откуда бы вам знать его имя, которого, между прочим, не было в газетах… Но боюсь, что вас временно разжаловали из птиц, пока нет замены Уайтмену. Или, скажем так, вы – птица без гнезда. Как и я. Это объясняет ваше поведение. Ну, а я – разжалован до ранга пассажира «Таламбы». Нет, Амалия, установить что-то уже невозможно. Труп пролежал на солнце слишком долго, насекомые, змеи… нет, я не буду беспокоить вас подробностями. Его пришлось похоронить в Алор-Старе, заключение коронера – убит ударом тонкого тупого предмета в мозг, через глаз. И еще был второй удар, в висок, но тут не уверен даже коронер. Но мы с вами знаем, как было дело. А больше не знаем ничего. Хотя вы-то останетесь, и в итоге вам все будет известно.

– В итоге – да, – сказала я голосом Маты Хари. И сделала паузу, ожидая, ожидая…

– За мной приглашение потанцевать в мой отель. Я дал вам слово, – железным голосом сказал Элистер.

И я перевела дыхание.

– Кстати, Элистер, – а что это за отель?

– «Раннимед», – сказал он без энтузиазма. – И не думайте, что мы купаемся в роскоши. Тут есть одно крыло, которое использует для своих гостей ваша полиция… Не очень роскошное, но ничего.

– Знаю это крыло, – уверенно сказала я. – О последствиях приглашения такой женщины, как я, в этот отель вы предупреждены?

– Пусть собратья не подадут мне руки на причале и напишут письмо в Калькутту. Какого дьявола, почему мы не можем сделать невозможное? Без этого неинтересно жить.

– Впечатляет. Знаете что, Элистер, я зарезервирую это приглашение за собой и использую его против вас в любой момент. Но вы уверены, что вам следует танцевать, если только что убили вашего…

– А, черт… Я, конечно, в глаза его не видел, но…

– Знаете что – я плохо выполнила поручение своего калькуттского сородича и не показала вам весь город. Давайте… ну, хоть поднимемся к буддийскому храму в Айер Итаме, там можно будет спокойно поговорить. А что касается вечера – решим по вдохновению. Ну, что – завтра в девять утра у входа в «Раннимед»?

– Бесспорно.

Пусть и разжалованная из птиц, я вздохнула, и душный ночной воздух погладил меня теплой лапой по лицу.

5. Они безнадежны, Амалия

Над головами – пагода Рамы Четвертого (она же – Пагода миллиона будд), как башня из сказки, облепленная странными балкончиками и колоннадами.

Под ногами – светло-серые плиты площади, обнесенной чем-то вроде крепостной стены, между зубцами которой замерли десятки абсолютно одинаковых бодисатв.

Отблеск солнца на гладкой коричневой коже обнаженного плеча плывущего мимо монаха.

Отдаленный хрип граммофона из домиков внизу, на склоне, под широкими банановыми листьями: хм, новинка – On With the Dance Бена Поллака.

Глупое хихиканье и шарканье ног очередной группы туристов: то ли наивные американцы с их квадратными фотокамерами, то ли английские юнцы, отправившиеся к опасностям и запретным удовольствиям в колониях.

И мы с Элистером, непочтительно устроившиеся с сигаретами у ног одного из бодисатв в тенечке. Посматривающие через амбразуру на ржаво-шоколадную чешую черепичных крыш города там, далеко внизу, – но в основном друг на друга.

– Элистер, что за детское упрямство? Зачем надо танцевать со мной именно в «Раннимеде»? Ну, будут неприятности. Мы ведь даже не говорим с вами о какой-нибудь там любви. Мы друзья, Элистер, и только. Если, конечно, может быть дружба между англичанином и португалкой. Да еще такой, у которой не меньше пинты малайской и сиамской крови.

– Почему это не может быть дружбы между англичанином и португалкой?

– Потому что ваши пираты украли у наших пиратов награбленное добро. Вот эту страну. Мои предки захватили и разграбили Малакку в начале шестнадцатого века. А потом появились сначала ваши союзники голландцы, а потом и сами ваши предки. Отобрали все награбленное, записали моих предков в «евразийцы» и отправились играть в свой крикет. Общего у нас с вами только одно – кровь пиратов.

– Амалия, мои предки, к сожалению, не пираты. А мирные шотландские пастухи.

– А вы поищите – может быть, какой-нибудь прадедушка был пиратом?

– Увы.

– Ну и что тогда за пиратская идея – бросать своим собратьям вызов?

– Не впервые. Пусть вычтут у меня из жалованья за каждый танец с вами. И пусть вспомнят, в каком веке мы живем.

– К сожалению, не в лучшем. Вычтут, а то и будет хуже. Вам придется тогда бедствовать. Вы ведь не очень богаты? Хотя, раз вы англичанин, у вас в Калькутте свой домик, слуга и водонос?

– Так и есть, но это даже не рупии, а анны. Я респектабельно беден, как и положено шотландцу. А у вас есть домик и слуги?

– Да, и тоже двое. Я трудолюбивая молодая леди. Работать в кабаре – отличный способ зарабатывать деньги. Так вы любите бросать вызов, Элистер? В теннисе? Гольфе? Крикете?

– И не только. Когда я вижу дурака, то считаю: он создан для того, чтобы ему бросить вызов. Если начинает надоедать.

– Очень уж много дураков, Элистер. Может быть, не надо им на радость разбивать лоб о каменную стену? Может быть, лучше перехитрить их?

– О, вот это сложно. И долго. Лбом о стену – куда эффектнее… Но вы правы, Амалия. Мы с вами – два евразийца, я – в качестве почетного члена этого ордена, если примете. Нам надо быть умными.

– А они нас за это не любят – за ум, не правда ли? Знаете, что говорят ваши соотечественники о тех своих коллегах, которые изучают все эти бесчисленные китайские языки?

– Нет, в Калькутте таких нет.

– Они говорят, что эти люди становятся мрачно-торжественными, неразговорчивыми, проявляют склонность говорить цитатами из мудрецов китайской древности, да еще и жить по заветам таковых.

– Изумительно. А знаете, Амалия, как называют мои соотечественники на индийской гражданской службе таких, как я, которые вместо спорта уходят с головой в санскрит, хиндустани, тамили, бенгали и прочее?

– Гуру.

– К сожалению, по-другому. Cranks. Свихнувшиеся.

– А как мы с вами назовем публику, которая щелкает вон там своими идиотскими камерами, не имея понятия, что они, собственно, снимают?

– Вон тех? Которые сходят с корабля в солнечном шлеме и темных очках и в ужасе озираются на толпу диких, грязных, заразных азиатов?

– Которые, увидев на стене своего отеля серенькую чичаку, спасающую их от мошкары, с криками «ящерица, ящерица» бьют ее каблуком или ручкой от щетки… Чичака, друг дома, пожиратель насекомых, – это ведь здесь почти то

же, что у вас – корова, священное животное.

– А, это ваши лары и пенаты, вот как они тут выглядят – на четырех лапах…

– А еще эти люди через каждый час моют руки марганцовкой и демонстративно вытирают их одеколоном, отчего распространяют удушливую парикмахерскую вонь. Смотрят на вкуснейшую еду в мире с дрожью ужаса и пробуют ее так, будто совершают подвиг – при этом путаясь в палочках. Демонстративно выбрасывают наземь лед из стакана: в нем заморожена зараза. Потом глотают для дезинфекции дозу чего-то крепкого из фляжки, в результате сидят с красной физиономией, истекая потом. Наконец не выдерживают, требуют кровавый бифштекс и прочую цивилизованную пищу – и, конечно, ложатся в каюте с расстроенным желудком: кто же ест в Стрейтс-Сеттлментс европейскую еду, которую тут не умеют готовить? Ни китаец, ни индиец никогда не будут есть в этом климате мясо с кровью, именно из-за желудка.

– Они безнадежны, Амалия! И я не про китайцев или индийцев.

– Всех усыпить, Элистер!

– Начиная с вашей полиции. Они никогда не раскроют убийство этого несчастного Уайтмена – посмотрели бы вы, как они вчера бегали кругами и какие вопросы задавали нам, будто весь наш калькуттский десант – это группа подозреваемых. Кстати… Дорогая и уважаемая Амалия, а вы знаете, что выяснилось насчет того человека, который был убит у храма? Его привез пуллер, выгрузил из рикши прямо в пыль дороги – уже в таком виде, как мы с вами наблюдали. Замахал руками, призывая людей, а сам схватился за рукоятки своей рикши и сгинул. Видимо, вывалить убитого им седока в канаву он не мог – кругом были люди. То есть вы знали, что убийства совершают именно пуллеры рикш? А откуда?

– Да? Потрясающе. Не может быть… Ну, давайте раскроем еще одно дело. Вместе мы можем все. Вы знаете все, что знает полиция. Я знаю все, что происходит в городе.

– А что, если мы раскроем дело, это даст нам возможность безнаказанно потанцевать в «Раннимеде» в мой последний вечер? И никто не скажет, что я не могу танцевать, если мой коллега убит?

– Разве что даст моральное право. Давайте вот как: я включу на полную мощность свое птичье любопытство и допрошу вас. А вы потом допросите меня.

– Великолепно.

– Итак, забудем на время об Уайтмене. За кем следил осведомитель полиции у Змеиного храма?

– Так. Неожиданное начало. Ни малейшего понятия. А может, вообще ни за кем не следил.

– Он что, никак не фигурировал во всех полицейских разговорах вчера? Несмотря на то, что его убили тем же способом?

– Ну, что вы. Фигурировал. Полиция считает, что появилась некая банда, которая убивает вот таким орудием. Но как можно напрямую связать убитого китайца, который иногда что-то рассказывал полиции, и убитого англичанина – нет, пока что речи об этом нет.

– Но это предельно странно. Элистер, вы сами что думаете – чем был занят убитый осведомитель в тот день у храма?

– Вы ведете к тому, что он следил за мной. Или охранял меня. Но из вчерашних разговоров я понял очень хорошо: никто не знает, зачем этот человек оказался у храма. Это значит, что полиция его туда не посылала. Иначе это как-то бы мелькнуло в разговоре.

– Может быть, Уайтмен его туда послал, несколько дней назад? Ну, хорошо – а о чем вообще вас, калькуттцев, расспрашивали коллеги? Что их больше всего интересовало?

– Какой странный вопрос, Амалия. Но у меня есть на него странный ответ: их интересовало, что мы знаем. Они пытались понять, зачем мы приехали. Меня все время расспрашивали, что мне сказали перед отъездом, какие инструкции дали. Но поскольку мне нечего было ответить… О целях нашего приезда знал, похоже, только Уайтмен. Вот даже вы не знали, иначе бы уже мне все рассказали. Когда это стало ясно, мы стали сразу же всем неинтересны, они дали телеграмму в

Калькутту, оттуда пришел ответ – выслать нас домой. А дальше они расследуют это дело сами, без нас.

– Не имея понятия, что и где искать?

– Да, пока что такое возникает впечатление. Я понимаю, что вас интересует, Амалия. Да, обычная полиция – в полном неведении об операции их более секретных собратьев.

– Это утешает. Так, по вашим ощущениям, хоть кто-то знает, зачем Уайтмен отправился в каменоломню?

– По моим – нет. Они в полной растерянности.

– Его тело подбросили туда или его там и убили?

– Как я понял, очень трудно это сейчас установить. Но похоже, что он вышел из гостиницы в Алор-Старе и поехал куда-то, возможно – в каменоломню. Ну, вообще-то прошел всего один день, Амалия. Они что-то еще выкопают. Но проблема в том, что Уайтмен в своем, так сказать, архивном департаменте был, оказывается, один, помощник его оказался в Англии…

– …вот отчего ему в помощь выписали всех вас. Так, про меня речь шла?

– Если у меня еще и были сомнения насчет того, кто вы такая, то теперь уж… Да, меня спрашивали, что эта дама делает рядом со мной. И я ответил честно, что я привез вам рекомендательное письмо от вашего калькуттского родственника, и вы пытались мне показать город. Еще мне сказали несколько слов по поводу… вообще женщин…

– Не скрипите зубами, Элистер, я представляю, что они могли именно про меня сказать, а не вообще про женщин. А теперь вопрос: раз они про меня спрашивали, то где именно нас с вами видели вместе?

– У храма с зелеными… да, да, я помню… Нет, не там. Потому что Корки я ничего не сказал о вас, а осведомитель, который нас там мог видеть, был немедленно убит и вряд ли мог кому-то о вас рассказать. В остальных местах мы были

вдвоем, и нас не видел никто… И тогда – вы правы – все очень странно. А, нет, еще мы встретились среди целой толпы полицейских на той улице, где нашли склад с динамитом…

– Динамит. Отлично. Теперь я предоставляю вам право допросить меня. Но до того я должна признаться в одной страшной вещи. Элистер, я долго шутила, но сейчас время шуток, кажется, кончается. Я просто молодая леди, работающая в кабаре. Не более того.

– И вы говорите это после блестяще проведенного допроса? Не смешите меня, Амалия. Никогда в это не поверю.

– Meu Deus, tens a cabera dura!

– Меу деуш… Я не успею выучить португальский, Амалия, мне ведь завтра уезжать. Но «дура» – это, видимо, «твердый»?

– Вы все-таки знаете французский, помимо слова «шьен». Но на португальском «дура» – это «упрямый». Если вам нравится считать, что вы скорее «твердый», – тем лучше. Итак, ваша очередь допрашивать.

– Сначала выводы. В том числе из вашего допроса. Местная полиция не способна раскрыть это дело, потому что оно касается сами знаете какой ее части. И наша четверка не способна ей помочь. Мы завтра уедем и, возможно, ничего никогда не узнаем. А вам здесь придется подбирать осколки, когда Уайтмену пришлют замену – из Сингапура, видимо? И вы уже этим сейчас занимаетесь параллельно с обычной полицией, так?

– Я устала спорить.

– Но давайте начнем с другого конца. Простая логика: мы имеем дело с какой-то бандой, убивающей палочками для еды. Вывод первый: это китайцы. Вывод второй: это банда.

– Браво, Элистер!

– Подождите. Не всякая банда имеет настолько серьезные проблемы с полицией, чтобы атаковать не только осведомителей, но и самих полицейских. Ну и что вы, зная местную обстановку, можете на это сказать? Наугад, учитывая, где и на кого вы работаете: это политика? Коминтерн?

– Непохоже, Элистер. Коминтерн – это рабочие кружки и запрещенная литература. Здесь мы знаем о таких штуках разве что из газет. Хотя рабочие – это по большей части именно китайцы и немножко ваших, индийцев. Кружки, пропаганда… Но они конспирируются, а не атакуют полицейских. И у них, думаю, есть револьверы и все прочее. А тут нечто иное.

– Нелегальная иммиграция? Проституция? Контрабанда?

– Иммиграция здесь легальна вся. За последнее десятилетие сюда въехало два с половиной миллиона китайцев, и все легально.

– Да, я знаю, малайцы не любят работать.

– Больше слушайте всякий бред. Малайцы владеют землей, они отлично на ней работают и выращивают все что угодно, от папайи до риса. Зачем им наниматься на оловянные шахты? А потом, здесь, в Пенанге, до Лайта вообще был необитаемый остров, покрытый джунглями. Сингапур до Раффлза – в точности то же. Люди были и остаются нужны, так что только в этом году тысяч двести китайцев в Малайю въехали, и едут еще. Итак, это легально. Проституция… Кэмпбелл-стрит платит кому надо «чайные деньги». Контрабанда? Возможно, но вы сами заметили – как Коминтерн, так и контрабандисты убегают от полиции, а не нападают на нее. Так что я понимаю нашу полицию – дело уникальное.

– Почерк убийц, палочки и прочая экзотика. Вы же видите, куда я клоню, Амалия: эти ваши китайские секретные общества, триады. Вот у них бы хватило наглости…

– Секретные общества запрещены в 1890 году. До того тут были войны между секретными обществами, а белые строили поперек Бич-стрит баррикады. Сегодня… конечно, любой житель Малайи скажет вам, что общества никуда не исчезли, они есть и будут всегда. Это не секрет. Но, Элистер, – в том-то и дело, и я об этом давно уже думаю – палочками тут не убивали никого и никогда. Ритуальное оружие тайных обществ совсем другое. Ножи. Кинжалы. Ну, у них

бывают встречи буквально в джунглях, на расчищенных полянах, в милях от шоссе. Полиция находила там емкости с кровью, куда все макают пальцы со свежим порезом и приносят в очередной раз клятву. А вот если кто-то клятву нарушит… Когда на таких сходках в джунглях наказывают предателя, то каждый член триады наносит по удару, так что это очень характерные убийства. В Пенанге тоже года два назад раскрыли место таких встреч – позади кладбища Бату Лангчан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/master-chen/amaliya-i-beloe-videnie/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Купить: https://tellnovel.com/ru/master-chen/amaliya-i-beloe-videnie-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить